

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра всеобщей истории

И. Н. ГОМЕРОВ

ПАРАДИГМА ПОЛИТОЛОГИИ

Лекция

Новосибирск – 2011

УДК 32 (075)
ББК 66.01 я 73
Г 641

Гомеров И. Н. Парадигма политологии: Лекция / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 55 с.

ISBN 978-5-94356-793-3

В лекции раскрывается основное содержание и принципы современной парадигмы политологии, синтезирующей в себе существующие в науке системный, синергетический и деятельностный подходы. Лекция предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений. Она представляет определённый интерес для слушателей институтов и факультетов переподготовки специалистов, преподавателей средних специальных учебных заведений, учителей общеобразовательных школ и всех интересующихся политологией и политикой.

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф., действит. чл. Академии политической науки и Сибирской академии политических наук В. В. Демидов,
д-р полит. наук, проф. Р. Ш. Нуриддинов

Лекция рекомендована к печати кафедрой всеобщей истории. Протокол заседания кафедры № 3 от 24 января 2011 г.

SBN 978-5-94356-793-3

© Новосибирский государственный
университет, 2011

© Гомеров И. Н., 2011

Парадигма политологии

План

1. Отношение людей к политике.
2. Системный подход (теория систем).
3. Синергетический подход (теория самоорганизации).
4. Деятельностный подход (теория деятельности).
5. Системно-синерго-деятельностная парадигма политологии.

1. Отношение людей к политике

Каждый из нас – человек 1 ($ч_1$), человек 2 ($ч_2$), ..., человек N ($ч_n$) – в той или иной мере имеет определённое *отношение к политике* (англ. *policy*) (обозначим её символом Π). Он, как правило, находится внутри определённого *поля политики* (рис. 1.1)

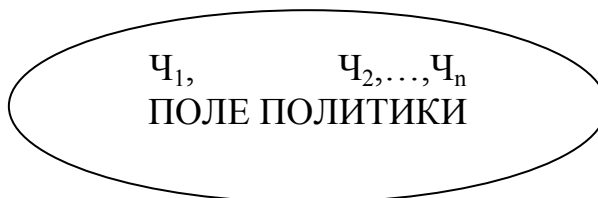

Рис. 1.1. Позиции людей внутри поля политики

и является её элементом, когда

$$(ч_1 ч_2, \dots, ч_n) \in \Pi. \quad (1.1)$$

Будучи внутри поля политики, человек занимает в нём либо *пассивную позицию*, либо более или менее *активную позицию её участника*, когда он осуществляет определённую *политическую деятельность* (обозначим её символом R_Π) и находится в определённых *политических отношениях* с другими людьми, с другими её участниками (обозначим эти отношения символом O_Π), когда

$$(R_{\Pi(ч_1 ч_2, \dots, ч_n)} \wedge O_{\Pi(ч_1 ч_2, \dots, ч_n)}) \in \Pi. \quad (1.2)$$

Поле политики может выступать для каждого находящегося в нём человека как особого рода, образно говоря, «*мышинная нора*» (термин Л. Н. Гумилёва), за пределы которой он практически не выходит; всё происходящее в ней он непосредственно *ощущает, воспринимает, переживает*, а также, хотя и в весьма ограниченном виде, *представляет, воображает и осмысливает*.

Вместе с тем каждый человек одновременно находится и вне поля политики, занимает по отношению к ней определённую *внешнюю позицию* (рис. 1.2)

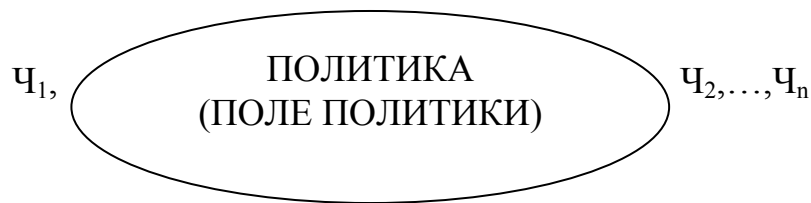

Рис. 1.2. Внешние позиции людей по отношению к политике

и не является её элементом

$$(ч_1 ч_2, \dots, ч_n) \notin П. \quad (1.3)$$

В этом случае он выходит за пределы «мышинной норы» и может «подняться» над ней, на новый, более высокий, уровень рефлексии – ощущения, восприятия, переживания, представления, воображения и осмысления – политики, образно говоря, «на вершину холма», расширив тем самым её обзор. Здесь он может занять и, как правило, занимает сначала *позицию* исследователя, затем *позицию* критика и, наконец, *позицию* организатора политики. Результатом исследования политики являются знания о ней, результатом критики – её оценки и результатом её организации – соответствующие нормы (нормы-запреты, нормы-разрешения, нормы-предписания), регулирующие политику (рис. 1.3).

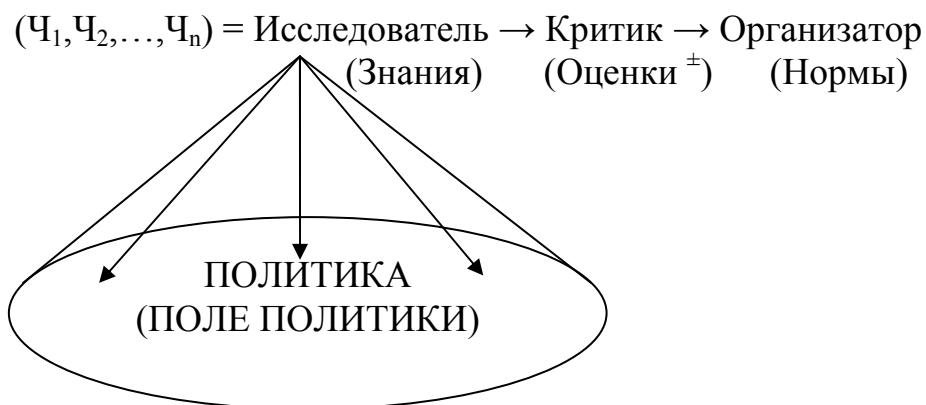

Рис. 1.3. Позиции исследователя, критика и организатора политики

Знания – это то, посредством чего человек фиксирует, описывает, объясняет или прогнозирует «нечто» в политике вне своего отношения к нему, вне его значения (ценности) для удовлетворения своих потребностей или выполнения своих обязанностей. Они выражают и указывают «*сущее*» (существующее само по себе), то, «что», «как» и «почему» (или «зачем») возникло (в том числе, сделано, произведёно или воспроизведёно), существует, функционирует или развивается в политике.

Оценки, наоборот, фиксируют и описывают «нечто» возникшее (в том числе сделанное, произведённое или воспроизведённое), существующее, функционирующее или развивающееся в политике как соотнесённое с потребностями людей, как ценное (значимое) для удовлетворения их потребностей. Они есть

формы выражения этой соотнесённости и этой ценности (значимости), выражают и указывают «*значимое*» в политике, отвечают прежде всего на вопрос: каково политическое нечто?, как человек к нему относится? нравится он ему или нет?

Нормы (от лат. norma – руководящее начало, правило, образец) – это установленные и признанные людьми, обязательные для них, относительно устойчивые правила, образцы, схемы, а также средние величины (параметры), фиксирующие и описывающие процедуры политической деятельности (реакций, операций, действий, высказываний или психических актов) и политические отношения, выражающие предъявляемые к ним (процедурам и отношениям) требования и регулирующие их (процедур и отношений) порядок (строй, соотношение, последовательность). Они выражают (фиксируют, описывают) и указывают «*должное*», то, «*как*» субъекты политики *должны* в ней «*нечто*» *делать* (производить или воспроизводить).

Более того, человек может «подняться» и «на высоту птичьего полёта», где обзор политики и возможности её рефлексии, в частности осмысления, ещё больше. Здесь он может занять *философско-методологическую позицию*, позицию философа-методолога, результатом которой являются *знания, оценки и нормы*, описывающие и *исследования*, и *критику*, и *организацию политики*, и *участие* в ней людей, в том числе их знания, оценки и нормы (рис. 1.4).

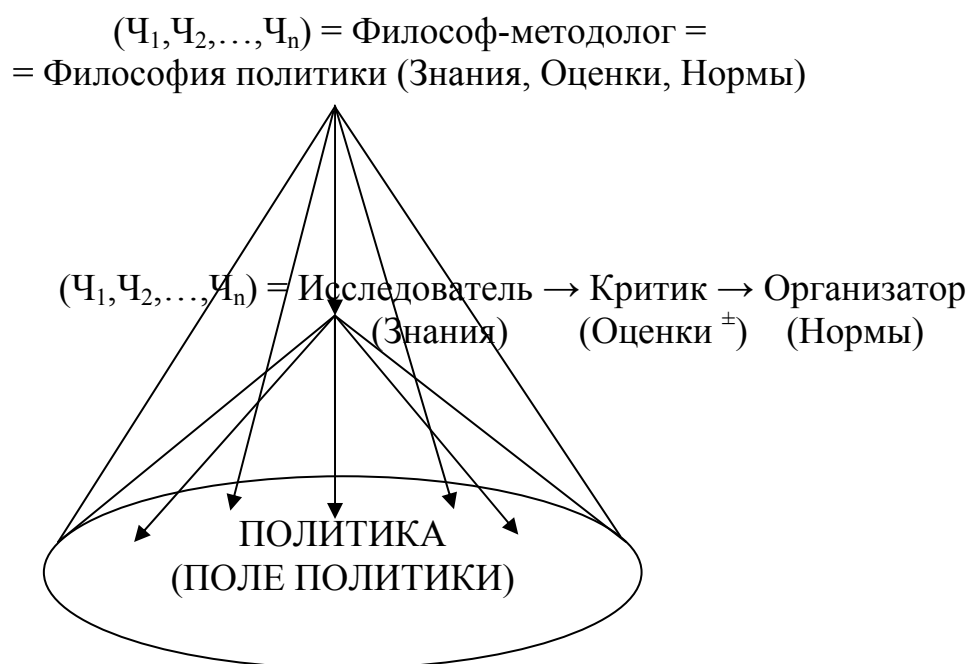

Рис. 1.4. Позиции исследователя, критика, организатора политики и философа-методолога

Занимая каждую из указанных выше позиций, человек в той или иной мере осмысливает политику и своё место в ней: либо на уровне обыденно-практического осмысления, либо на уровне научного осмысления, либо на уровне философско-методологического осмысления.

В каждой из названных позиций её носители оперируют знаниями, оценками и нормами как своеобразными способами осознания объективно существующей реальности – политики. На первом уровне мы практически участвуем в политике, политической деятельности и политических отношениях, как правило, оперируя *обыденными* знаниями, оценками, нормами. На втором уровне, когда являемся исследователями, мы в первую очередь производим *научные знания* политики (её элементов, свойств, отношений), когда являемся критиками – научно обоснованные *оценки* политики (её элементов, свойств, отношений) и участия в ней людей, когда являемся организаторами – научно обоснованные *нормы* того, как надо (должно) «нечто» делать субъектам политики. На третьем уровне, когда выступаем в качестве методологов, мы производим знания, оценки и нормы происходящего на первом и втором уровнях, даём определённые *мировоззренческо-методологические ориентиры* субъектам политики, её участникам, исследователям, критикам и организаторам.

Все представленные рис. 1.1–1.4 позиции важны для осмысления человеком политики. Однако определяющим моментом здесь является его философско-методологическая позиция. Его позиция не должна ограничиваться позицией участника, исследователя, критика, организатора. Она обязательно должна быть ещё и позицией философа-методолога, обслуживающего самого себя или других людей как участников, исследователей, критиков, организаторов политики. Занимая её, он оперирует знаниями, оценками и нормами, описывающими политику как таковую (саму по себе) и выступающими в качестве своеобразных критериев-ориентиров его практической политической деятельности. Но, кроме того, он оперирует в ней знаниями, оценками и нормами, которые описывают его познавательную, оценочную и нормативную деятельность как исследователя, критика, организатора политики, и тем самым используемые им знания, оценки, нормы. При этом доминирующее место здесь могут занимать либо знания и оценки (и тогда он выполняет мировоззренческую работу), либо нормы и принципы (от лат. *principium* – начало, основа) – наиболее общие, исходные, фундаментальные нормы (и тогда он выполняет методологическую работу).

Эта мировоззренческо-методологическая работа составляет содержание философии, которая, как часть культуры, осмысливает окружающий человека мир и его самого. Политика является неотъемлемой частью этого мира. Уже одно это служит достаточным основанием для философской рефлексии политики, для определения её в качестве предмета политической философии (философии специфической, а именно политической, сферы человеческого бытия). Философия (в том числе политическая философия) выполняет различные функции, прежде всего – мировоззренческую и методологическую. Вот почему осмысление политики в рамках политической философии означает осмысление её как мировоззренческой и методологической проблемы, имеет мировоззренческий и методологический аспекты.

Применительно к данному курсу политическая философия в своей мировоззренческой функции призвана теоретическими средствами выявить исходные основания политики, её место в человеческой жизни. В своей же методоло-

гической функции она должна определить фундаментальные принципы и нормы (требования), предъявляемые к политике. Более того, можно сказать, что политическая философия включает в себя мировоззрение и методологию политики. А эта последняя предстает, во-первых, как методология научного исследования политики, во-вторых, как методология политической практики.

Мировоззренческо-методологическая работа имеет не только научное, но и практическое (прикладное) значение. Применительно к политологии она не ограничивается производством знаний, оценок и норм, касающихся только научных исследований политики, а затрагивает (и весьма существенно) политическую практику, производит знания, оценки и нормы, составляющие основу моделирования политики, которая не только протекает в настоящем («здесь» и «сейчас»), но которая может или должна состояться в ближайшем или сколько-нибудь отдаленном будущем. Полученные в рамках политической философии знания, оценки и нормы могут составить основу проектирования (планирования) предстоящих политических процессов, могут быть использованы в практике их организации, обслуживать не только представителей философии и политической науки, но и политиков-практиков. Сами политические процессы рассматриваются здесь не только как нечто существующее, но и как нечто должное, рассматриваются не только в качестве существующей системы, но и в качестве проектируемой, нормативной системы, то есть системы, которая «должна быть», которая должна отвечать определенным нормам (требованиям). Поэтому результатом осуществляемой работы может и должна стать некая модель политики, рекомендуемая для практического использования.

Мировоззренческо-методологической основой данного курса служат идеи, выдвигаемые и развиваемые виднейшими мыслителями прошлого, современными учёными. При его разработке мы опираемся на фундаментальные мировоззренческо-методологические ориентиры современной науки, которые образуют соответствующую *парадигму* (от гр. *paradeigma* – пример, образец), которой, с нашей точки зрения, человек должен руководствоваться, участвуя в политике, исследуя, критикуя или организуя её.

Заметим, что понятие парадигмы используется очень давно. В частности, в философии древнего мира, средних веков и нового времени. Г. Бергман (Bergmann) ввёл его в позитивистскую философию науки. Однако широкое распространение оно получило лишь после работ американского историка науки Т. Куна (Kuhn). Он ввёл понятие парадигмы в науковедение и определил его так: «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений..., из которых возникают конкретные традиции научных исследований»¹.

Занимая указанные выше позиции участника, исследователя, критика и организатора политики, человек может руководствоваться требованиями системно-синерго-деятельностной парадигмы, которая формируется в современной

¹ Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. М., 1977. С. 11, 27–28.

политологии¹. Данная парадигма *синтезирует* в своём составе три основных подхода:

- системный подход (теорию систем);
- деятельностный и бихевиористский (поведенческий) подход (теорию деятельности, теорию поведения);
- синергетический подход (теорию самоорганизации).

2. Системный подход (теория систем)

Руководствуясь данной парадигмой, мы должны видеть и различать в политике её *системные* и *несистемные* проявления.

Отметим при этом, что системный взгляд на мир был свойственен ещё древним мыслителям. Не давая строгого определения понятию «система», они считали его аксиоматическим, очевидным и всем понятным, обозначали им широкий круг явлений. Например, у древних греков под системой подразумевалось и сочетание, и организм, и устройство, и организация, и союз, и строй, и руководящий орган, и порядок, и целостность. Стоики толковали это понятие в онтологическом смысле как мировой порядок, а Эпикур использовал его для обозначения определенной суммы знаний. В философии древних индийцев и китайцев системное видение мира воплотилось в идее Единого Брахмана и Единого Дао. Согласно этой идее мир представляет собой Единое Целое, где всё содержится во всём, выступает как элемент всего, следует по единому пути, образуя всеобщий порядок².

В философии нового времени системное миропонимание не только сохраняется, но и получает некоторую определенность. Так, согласно Э. Б. де Кондильяку (Condillac), «система есть не что иное, как расположение различных частей какого-либо искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми»³. Для И. Канта (Kant) система представляет «единство многообразных знаний, объединенных одной идеей»⁴.

Г. Гегель (Hegel) и К. Маркс (Marx) не оставили определения понятия «система», но системную методологию они использовали в полной мере. Прекрасными образцами системного исследования являются, например, «Феноменология духа» и «Наука логики» Г. Гегеля, «Капитал» К. Маркса.

¹ О некоторых из этих требований см.: Гомеров И. Н. Политология как наука и учебная дисциплина. Новосибирск, 1999. С. 31–170; *Он же*. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000. С. 53–79; *Он же*. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. С. 51–68.

² *Материалистическая диалектика как научная система* / Под ред. проф. А. П. Шептулина. М., 1983. С. 210; *Материалисты Древней Греции: Сб. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура*. М., 1955. С. 180; *Системные исследования: Ежегодник*. М., 1974. С. 155; *Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 18.*

³ Кондильяк Э. Сочинения: В 3 т. М., 1982. Т. 2. С. 6.

⁴ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 680.

В первой четверти XX века предпринимаются попытки создания системных концепций обобщённого характера. Одной из первых таких попыток была тектология А. А. Богданова¹. Как отмечает В. Н. Садовский, само понятие открытой системы было впервые предложено Р. Дефаем (Defay) в конце 20-х годов XX века. Л. фон Берталанфи (Bertalanffy) ввёл это понятие в биологию в 1932 году², а позднее, в 1937 году, на философском семинаре в Чикаго, называя биологический вид «системой открытого типа», он определил её как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»³, или «комплекс взаимодействующих компонентов»⁴. Тогда он не был понят. И лишь после возвращения с войны смог донести свою идею и получил заслуженное признание.

Подлинное же развитие теоретико-системные исследования получают лишь после публикаций Л. фон Берталанфи (Bertalanffy) конца 40–начала 50 годов XX века. Вслед за ним Р. Л. Акоф (Ackoff), К. Боулдинг (Boulding), Н. Винер (Wiener), И. Клир (Klir), О. Ланге (Lange), М. Д. Месарович (Mesarovic), А. Рапопорт (Rapoport), Р. Е. Фейджин (Fagen), А. Д. Холл (Hall), К. Шенон (Shannon), У. Р. Эшби (Ashby) и другие выдвигают собственные варианты общесистемных концепций. В нашей стране к их разработке и обсуждению подключились В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг, Н. П. Бусленко, Д. М. Гвишиани, В. М. Глушков, А. Н. Колмогоров, В. П. Кузьмин, А. А. Ляпунов, Н. Н. Моисеев, В. Н. Садовский, А. И. Уёмов, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и многие другие. В 60–80 годы регулярно выходит ежегодник «Системные исследования»⁵.

В рамках политологии системные исследования также формируются с начала 50 годов XX века. В первую очередь благодаря усилиям Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча. С момента выхода в 1953 году книги Д. Истона «Политическая система» понятие системы, или политической системы, попадает в центр

¹ Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. М., 1989.

² Как отмечает В. Н. Садовский, «само понятие открытой системы было впервые предложено Р. Дефаем... Берталанфи ввёл это понятие в биологию в 1932 г.» (см.: Садовский В. Н. Логико-методологический анализ «общей теории систем» Л. фон Берталанфи // Проблемы методологии системного исследования / Ред. коллегия И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1970. С. 416).

³ Bertalanffy L. General System Theory // General Systems. 1956. Vol. I. P. 2.

⁴ Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1969. С. 29.

⁵ Изложение основных положений системного подхода, или общей теории систем, см., например: Bertalanffy L. General system theory. Foundations, development, applications. N. Y., 1969; General systems theory. V. 1–22. N. Y., 1956–1977; Churchman C. W. The systems approach. N. Y., 1968; Trends in general systems theory. N. Y., 1972; Блауберг И. В. Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Садовский В. Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974; Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978; Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач: Пер. с англ. М., 1990; Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999; Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003.

внимания политологов, получает широкое распространение и постепенно занимает доминирующее (господствующее) положение¹.

Согласно существующим в науке представлениям, всякая система проявляет себя и может быть определена как особого рода совокупность, или множество, элементов. Такое понимание системы является наиболее распространённой в отечественной и зарубежной литературе. В частности, можно согласиться с И. В. Блаубергом, В. Н. Садовским, Э. Г. Юдиным, которые считают, что «всякая система представляет собой... совокупность, хотя не всякая совокупность есть система», что при определении всякой системы «в качестве исходного пункта выступает *множество элементов*, на природу которых не накладывается никаких ограничений...»². Однако, как верно замечает Н. О. Лосский, система – это «не чистая множественность самостоятельных элементов»; «система возможна лишь там, где есть *отношения* между элементами»³.

А. Рапопорт, определяя специфику систем, пытается определить её именно через понятие «отношение»: «Система – это не просто совокупность (totality) единиц (частиц, индивидов), когда каждая единица управляется законами причинной связи, действующей на неё, а совокупность *отношений* между этими единицами»⁴. Похожую позицию занимает и А. И. Уёмов: «Системой будет являться любой объект, в котором имеет место какое-то отношение, обладающее заранее фиксированным свойством»⁵. И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин пишут: «Элементы множества, образующего систему, находятся в определённых *отношениях*... между собой»⁶ и, добавлю, «окружающей» средой. Для А. Холла (Hall) и Р. Фейджина (Fagen) система – это множество объектов (частей, компонентов системы) вместе с отношениями (relationships) между объектами и между их атрибутами⁷, свойствами. Исходя из этого, они считают, что для всех систем характерно наличие отношений между объектами, или элементами, и между их свойствами⁸. Следовательно, вне отношений элементов нет, и не может быть системы.

¹ Заметим, что в современной науке существует огромное количество определений понятия системы. Например, В. Н. Садовский рассматривает около 40 различных определений понятия «система» (см.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. С. 92–102). Тем не менее, данное понятие является одним из основополагающих в мышлении современных людей (Агошкова Е. Б. Категория «система» в современном мышлении // Вопр. философии. 2009. № 4. С. 57–71).

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. С. 35, 34.

³ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 346, 351.

⁴ Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем. С. 88.

⁵ Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. С. 120.

⁶ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке. С. 34.

⁷ От лат. *attributio* – «придаю, наделяю», т. е. необходимое, существенное, неотъемлемое свойство кого-либо или чего-либо, а в языкознании – то же, что и определение.

⁸ Холл А. Д., Фейджин Р. Е. Определение понятия системы. С. 252, 253, 262.

Так же как и любой другой совокупности, любого другого множества элементов. Понятие «отношение» является, таким образом, ключевым понятием, определяющим природу и сущность всякой системы, а также всякой совокупности и всякого множества. Всякая система представляет собой совокупность, множество соотносящихся друг с другом элементов. Однако не всякая совокупность соотносящихся друг с другом элементов является системой.

Системой является совокупность, множество лишь таких элементов, которые находятся друг с другом не в разъединяющих, а в связывающих отношениях¹. Точно так же как и любая суммарная совокупность. Будучи таковыми, т. е. связными, суммарная и системная совокупности отличаются от любой разъединённой, бессвязной совокупности, такой совокупности, в которой доминирует не связанность её элементов, а их разъединённость, независимость друг от друга. Иначе говоря, если в отношениях между элементами разъединённой, бессвязной совокупности доминирует их разъединённость, независимость друг от друга, то в отношениях между элементами суммарной и системной совокупностей – их связанность друг с другом. Система, так же как и суммарная совокупность, – это такая совокупность элементов, в которой доминирует не их разъединённость, независимость друг от друга, а их связанность друг с другом.

Всякая связная совокупность (в том числе суммарная или системная совокупность), в которой доминирует не разъединённость, независимость, а взаимосвязь её элементов, обладает определённой структурой, структурированностью, структурностью, является структурированной совокупностью². В отличие от неё, всякая разъединённая, бессвязная совокупность является неструктурированной, бесструктурной.

Всякая система представляет собой связную совокупность элементов и обладает определённой структурой, но не всякая связная совокупность элементов и не всякая структура есть система. Или иначе, всякая система является связной и структурированной совокупностью, но не всякая связная и структурированная совокупность является системой. В частности, не являются системами суммарные совокупности, которые, так же как и системы, обладают определённой структурой. Система, в отличие от любой суммарной совокупности, – это такая структурированная совокупность, элементы которой связаны друг с другом не суммирующими, а интегрирующими, интегрально соединяющими, объединяющими, интегрально связывающими отношениями. Это есть такая совокупность, в которой взаимосвязь её элементов обеспечивается не путём их суммирования, а путём их интегрирования, интегрального соединения, объединения друг с другом. Иначе говоря, система – это не сумма элементов. Система – это

¹ Именно поэтому «наибольшая смысловая нагрузка в системных исследованиях (в частности, при определении понятия «система». – *И. Г.*) приходится на понятие «связь»...» (*Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке. С. 41*).

² Как заметил ещё Дж. Локк, «в каждой вещи заключено... внутренне строение, или структура, или модификация субстанции. <...> Существует внутренне строение вещей, от которого зависят их свойства» (см.: *Локк Дж. Соч. М., 1985. Т. 2. С. 328, 333*).

целостность, целостная, интегрированная, интегрально связанная совокупность элементов.

Подобным образом понимают и определяют системы многие исследователи. Например, А. Холл и Р. Фейджин, которые считают, что «все системы обладают определённой степенью целостности»¹. Для В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина слово «система» буквально означает «целое, составленное из частей; соединение»². И. В. Блауберг, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин определяют системы как объекты, «которые представляют собой *целостные* комплексы *взаимосвязанных* элементов (курсив наш. – И. Г.)». Они считают, что при поиске «общего определения этого понятия... в качестве отправного пункта можно было бы взять понимание системы как целостного множества взаимосвязанных элементов»³. «И исторически, и логически, – пишет В. Н. Садовский, – понимание объекта исследования как системы органически связано с осознанием его как определённой *целостности*, некоторого *целого*»⁴. При этом он ссылается на А. Бама (Bahm), для которого «система предполагает единство или целостность определённого рода, благодаря чему её части связываются друг с другом», Л. А. Блюменфельда, для которого «с миром вне системы система взаимодействует как целое», и Л. фон Берталанфи, рассматривающего общую теорию систем как «общую науку о «целостности»...»⁵.

Сама же целостность, или системность, согласно Л. фон Берталанфи, предполагает, что изменение любого элемента системы оказывает воздействие на все другие её элементы и ведёт к изменению всей системы, и, наоборот, изменение любого элемента системы зависит от всех других её элементов⁶.

И. Пригожин и И. Стенгерс также считают, что «система образует единое «целое», каждая часть которого чутко реагирует на поведение всех остальных частей»⁷. Аналогичным образом понимает целостность уже О. Конт, который «моделировал» общество как «социальный организм», как целостность частей, неразрывно связанных друг с другом самыми разнообразными способами, когда изменения, происходящие в одной «части» общества, передаются всем остальным⁸.

¹ Холл А. Д., Фейджин Р. Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. С. 263.

² Садовский В., Юдин Э. Система // Философская энциклопедия. Т. 5. С. 18.

³ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке. С. 3, 33.

⁴ Садовский В. Н. Основания общей теории систем. С. 233.

⁵ Цит. по: Там же.

⁶ Садовский В. Н. Логико-методологический анализ «общей теории систем» Л. фон Берталанфи. С. 425; Он же. Проблемы философского обоснования системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1984. М., 1984. С. 42.

⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. 5-е изд., исправл. С. 58.

⁸ История теоретической социологии: В 4 т. М., 2002. Т. 1 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. С. 84, 84 (примечание), 85, 94.

Такое понимание целостности и, следовательно, системности представляется достаточно плодотворным. А. Н. Аверьянов и Т. Б. Длугач подчёркивают: «Интерпретация целого как внутреннего единства частей, в отличие от их простой суммы, является плодотворной методологической установкой при изучении различных объектов, идёт ли речь о живом организме, произведении искусства или общественном целом»¹.

В частности, такое понимание целостности даёт возможность раскрыть природу, происхождение и сущность системных объектов, отличить их от не-системных объектов, в частности, не только от бессвязных, но и от суммарных совокупностей. Как отмечает В. П. Кузьмин, «наличие предмета как целого, как системы, всегда имеет и в качестве центральной задачи раскрытия того, что делает его системой и составляет его системные качества, его интегральные свойства и закономерности. Это законы системообразования (интеграции частей в целое), системные законы самого целого (генеральные базисные законы его структуры, функционирования и развития)»².

Всякая система, будучи целостностью, – это не любая, а *ограниченная* совокупность элементов. В частности, она включает в свой состав конечное, или ограниченное, количество элементов, необходимых и достаточных для её существования. Согласно О. Ланге (Lange), «система содержит *конечное количество элементов*»³. Аналогичную мысль высказывает М. С. Каган, который считает, что «не может идти речи о системе там, где перечень элементов не является исчерпывающим», что «вычленение компонентов ...должно представлять их как *необходимые и достаточные* для самого существования данной системы. Только при этом условии можно отличить органически присущие ей компоненты от случайно привнесённых извне»⁴. В. Н. Сагатовский также отмечает, что «система – это конечное множество элементов, объединённых динамическими и статическими отношениями...»⁵.

Система есть такая совокупность элементов, которая обладает качественной определённой, относительной самостоятельностью, отграниченностью, обособленностью, изолированностью, раздельностью, независимостью по отношению ко всем другим совокупностям элементов, составляющим окружающую её внешнюю среду. Как отмечает Г. Гегель, «целое – это самостоятельность», «самостоятельное»⁶. Согласно Н. Луману, система, понимаемая как целостность, – это такое множество элементов, которое отграничено, не тождест-

¹ *Материалистическая диалектика как научная система.* С. 228.

² Кузьмин В. П. Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1984. С. 29.

³ Ланге О. Целое и развитие в свете кибернетики // Исследования по общей теории систем. С. 196.

⁴ Каган М. С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М., 1974. С. 19, 23–24.

⁵ Сагатовский В. Н. Системная деятельность и её философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М., 1981. С. 66.

⁶ Гегель Г. Наука логики: В 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 152. 153.

венно другим множествам тех же самых элементов или иных элементов, т. е. не тождественно множествам, составляющих внешнюю среду данного множества. Система – это то, что ограничено, что не тождественно тому, что вне системы¹. Дж. Миллер (Miller) определяет систему следующим образом: «Система – это ограниченная в пространстве и во времени область, в которой части-компоненты соединены функциональными отношениями»². А. П. Шептулин пишет: «Исторически первой всеобщей формой бытия, попадающей в поле зрения человека и так или иначе осознанной им, является... раздельность существования материальных образований, их обособленность, относительная самостоятельность», а также «изолированность», «отдельность»...». Таким образом, заключает А. П. Шептулин, «понятие «отношение», фиксируя момент зависимости вещей, отражает и их независимость, относительную самостоятельность»³.

Иначе говоря, всякая система – это такая совокупность элементов, которая, во-первых, тождественна самой себе и, во-вторых, нетождественна другим совокупностям элементов, в том числе другим системам, составляющим её внешнюю среду, в той или иной мере различается от них, т. е. является специфической системой. Так же как и всякая суммарная совокупность. Однако, в отличие от суммарных совокупностей, всякая система, всякая целостная, т. е. интегрированная, совокупность элементов является в той или иной мере *упорядоченной*, тогда как сумма элементов, суммарная совокупность элементов – не упорядоченной или, в некоторых случаях, минимально упорядоченной. Дело в том, что интегрирующие отношения, или связи, существующие между элементами той или иной системы, как правило, являются регулярными⁴ и относительно продолжительными, тогда как суммирующие отношения, или связи, – нерегулярными, эпизодическими⁵ и кратковременными. Поэтому интегрирующие отношения, связи, как правило, оказываются *упорядочивающими отношениями*, связями, тогда как суммирующие отношения, связи таковыми не являются. Согласно Э. Гидденсу (Giddens), понятие интеграции, используемое при исследовании социальной системы как «структурированной целостности», «относится к степени взаимозависимости действий, или «системности», содержащейся в каком-либо способе воспроизводства системы. Поэтому, считает он, «интеграцию» можно определить как *упорядоченные связи*, взаимообмены или просто взаимосвязь практик между индивидуальными, либо коллективными действующими⁶.

В целостных, интегрированных совокупностях, или системах, связи между входящими в них элементами прочнее, или сильнее, чем их связи со средой, т.

¹ Luhmann N. Soziale systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie; История теоретической социологии: В 4 т. Т. 4 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. С. 378.

² Цит. по: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. С. 96.

³ Материалистическая диалектика как научная система С. 87, 90.

⁴ От лат. *regulo* – «устраиваю, привожу в порядок».

⁵ От греч. *episodion*, букв. – «вставка», т. е. «случайный».

⁶ Giddens A. Central problems in social theory. Berkeley & Los Angeles, 1979. P. 76; История теоретической социологии: В 4 т. Т. 4. С. 642.

е. внутренние связи между элементами преобладают над их внешними связями и внешними воздействиями на них. В суммарных совокупностях связи между входящими в них элементами, т. е. внутренние связи, одного и того же порядка, что и их связи со средой, т. е. внешние связи. Если суммарная совокупность равна, тождественна, равнозначна сумме своих элементов, может быть сведена к ним, то целостная совокупность, или система, наоборот, не может быть сведена к сумме своих элементов или к сумме их свойств, качеств, не равна, не тождественна им.

На данное обстоятельство обращают внимание многие исследователи систем. Например, А. П. Шептулин и А. Н. Аверьянов¹. В. Д. Могилевский, определяя целостность, или систему, пишет: «Под целостностью понимают внутреннее единство, принципиальную несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих её элементов...»². О. Ланге (Lange) отмечает, что «системы обладают свойствами, отличными от свойств элементов, из которых они состоят; их отличает также наличие собственных закономерностей действия, не выводимых из одних лишь законов действия элементов»³. В. Н. Садовский подчёркивает, что «во всех случаях целостность объекта как системы означает *принципиальную несводимость* его свойств к сумме свойств составляющих его элементов и *невыводимость* из последних свойств целого»⁴.

Целостная совокупность, в отличие от суммарной совокупности, обладает свойствами, качественными характеристиками, которых нет в образующих её элементах или в простой сумме свойств этих элементов. Она активно воздействует на свои элементы, преобразует их и их свойства, в том числе соответственно собственной природе и своим собственным свойствам. Более того, развиваясь, дифференцируясь и усложняясь, целостная совокупность, или система, может при соответствующих условиях порождать внутри себя новые, производные от неё, элементы, которые возникают и существуют в качестве таковых лишь в ней. Суммарная же совокупность, в отличие от целостной совокупности, таким свойством не обладает, она полностью производна от образующих её элементов и определяется ими.

В некоторых случаях отдельные элементы целостной совокупности могут при необходимости быть заменены другими её элементами. В суммарной совокупности такая возможность, как правило, отсутствует. Интегрирующие отношения, интегрирующие связи, существующие между элементами той или иной системы, могут связывать не только однородные, сходные, но и *отличающиеся* друг от друга или даже *противоположные* друг другу элементы. Суммирующие же отношения, суммирующие связи, существующие между элементами той или иной суммарной совокупности, как правило, связывают преимущественно однородные, сходные элементы. При этом необходимо учитывать, что та или иная суммарная совокупность может быть предпосылкой целостной сово-

¹ *Материалистическая диалектика как научная система.* С. 201.

² *Могилевский В. Д.* Методология систем: вербальный подход. С. 39.

³ *Ланге О.* Целое и развитие в свете кибернетики // Исследования по общей теории систем. 182.

⁴ *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. С. 233.

купности и со временем трансформироваться в неё. Целостная совокупность может не только интегрироваться, интегрально соединяться, объединяться с другими совокупностями, но и, наоборот, разъединяться, делиться, дифференцироваться на ряд суммарных совокупностей.

Необходимо также учитывать, что интегрирующие отношения могут быть как органическими, так и неорганическими, или механическими. В соответствии с этим в истории научной мысли различают *органические целостности*, системы и *неорганические*, или *механические, целостности*, системы. Первые присущи преимущественно живым организмам, а также некоторым другим, например, некоторым химическим или специфически человеческим образованиям, тогда как вторые присущи неживой природе и части специфически человеческих образований. К механическим целостностям, или системам, относятся, в частности, различного рода механические образования, созданные людьми, например, как заметил И. Кант, часовой механизм. Каждая из этих целостностей характеризуется внутренней расчленённостью, т. е. наличием частей, или элементов. Но лишь органическая целостность, в отличие от неорганической, т. е. механической, целостности, обладает тем специфическим свойством, что предшествует своим собственным частям, элементам, так как в процессе своего развития делит, дифференцирует, расчленяет себя на них, т. е. производит, порождает их, а не имеет их данными.

Данное различие, отмечает Н. О. Лосский, основано на противоположности двух фундаментальных мировоззренческих подходов: органического и неорганического миропонимания¹. «Органическое и неорганическое миропонимание, — пишет Н. О. Лосский, — вот главные противоположности, разделяющие представителей различных философских учений о мире. <...> Встретившись со сложным целым, которое можно разделить или в котором можно различить части А, В, С, D, сторонник неорганического миропонимания стремится понять его как составленное из элементов А, В, С, D, считая их способными существовать самостоятельно, совершенно независимо друг от друга, и от целого, в котором они найдены. Самостоятельность их, по его мнению, настолько велика, что если бы В, С и D совершенно исчезли из состава мира, А по-прежнему осталось бы существовать. Встречаясь друг с другом, напр. в пространстве, эти элементы могут образовать сочетание, группу, которая и есть сложное целое. Итак, согласно этому учению, *элементы* абсолютны, *первоначальны* и существуют *безотносительно*. Наоборот, *целое производно, относительно*, оно сполна зависимо от своих элементов. Иными словами, здесь множественность считается первичною и обуславливающею единство как нечто вторичное. <...> Сторонник органического мировоззрения понимает всякую множественность и целость прямо противоположным способом. Первоначально существует целое, и *элементы* способны существовать и возникать *только в*

¹ О различении органических и неорганических (механических) связей (отношений) и целостностей см.: Кант И. Соч. Т. 5. С. 396–401; Гегель Г. Соч. М., 1929. Т. 1. С. 228; Лосский Н. О. Указ. соч. С. 340–341; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Пер. с фр. М., 1996. С. 77–140; Материалистическая диалектика как научная система. С. 223–228.

системе целого. Поэтому нельзя объяснить мир как результат прикладывания А к В, к С и т. д.: множественность не образует целого, а, наоборот, порождается из единого целого. Иными словами, целое первоначальнее элементов;... элементы, во всяком случае, производны и относительно, т. е. способны существовать только в отношении к системе, членами которой они служат»¹.

Согласно Э. Дюркгейму, в обществе как специфическом множестве людей механическая солидарность (механическая связь) «требуется, чтобы индивиды походили друг на друга», тогда как органическая солидарность (органическая связь) «предполагает, что они друг от друга отличаются»²; причём механическая солидарность (механическая связь) «слабее связывает людей, чем органическая»³. При этом Э. Дюркгейм поясняет, что слово «механическая солидарность» («механическая связь») «не означает, что она производится искусственно и какими-то механическими средствами. Мы называем её так только по аналогии со сцеплением, соединяющим между собой частицы мёртвых тел, в противоположность тому, которое даёт единство живым телам. Окончательно оправдывает это название то, что связь, соединяющая таким образом индивида с обществом, вполне аналогична той, которая связывает вещь с личностью»⁴.

3. Синергетический подход (теория самоорганизации)

Фундамент *синергетики* (в научный обиход данный неологизм ввёл в 1970 г. Г. Хакен) как картины мира, методологии и науки о процессах развития и самоорганизации сложных систем, закладывается в начале 70-х годов XX века благодаря исследованиям нобелевского лауреата И. Пригожина, а также исследованиям В. И. Арнольда, В. Волькенштейна, Ю. А. Данилова, Г. Р. Иванецкого, Б. Б. Кадомцева, Ю. Л. Климонтовича, С. П. Курдюмова, Г. Г. Малинецкого, Н. Н. Моисеева, С. В. Петухова, Ю. М. Романовского, А. А. Самарского, О. Тоффлера, Р. Тома, Г. Хакена, Д. С. Чернавского и других учёных. В сравнении с господствующей на протяжении предшествующих столетий картиной мира классической науки – науки И. Ньютона и П. Лапласа – синергетика даёт новое мировидение, новый подход к изучению самоорганизации, функционирования и развития открытых нелинейных систем, представляет собой определенную ценность именно своей методологической и эвристической стороной как особый способ мышления. Она носит междисциплинарный характер, представляет собой раскрывает наиболее общие, универсальные механизмы образования и разрушения различных упорядоченных структур, механизмы перехода от хаоса к порядку и от порядка к хаосу, присущие и природному, и социальному миру

(ХАОС → ПОРЯДОК → НОВЫЙ ХАОС → НОВЫЙ ПОРЯДОК),

¹ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 340–341.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 139.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 138–139.

показывает конструктивную роль в нём не только необходимости, детерминистических законов, но и случайности¹.

При этом следует отметить, что в отличие от связей, существующих между элементами несистемных совокупностей, связи, существующие между элементами системы, будучи интегрирующими связями, являются регулярными, относительно продолжительными и организующими. В отличие от суммирующих связей, которые таковыми не являются. Всякая система, системная, целостная, интегрально связная совокупность элементов предполагает, следовательно, определённую меру их организации, организованности, упорядоченности.

Данное обстоятельство подчёркивают многие исследователи. В частности, И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, которые считают возможным определить систему как «упорядоченное целостное множество взаимосвязанных элементов, обладающее структурой и организацией»². Как отмечает В. Н. Садовский, согласно Л. фон Берталанфи, всякая система обладает «*организованностью и целостностью*»³. Подобную точку зрения разделяет и А. Д. Урсул: «Под *системой* имеет смысл понимать организованное множество, образующее целостное единство»⁴.

Понятие организации занимает важное место в современном научном исследовании. «Понятие «организация», – пишет Э. С. Маркарян, – занимает в категориальном аппарате современного научного мышления очень важное место. Оно призвано выразить явления, противоположные дезорганизации, хаосу, неупорядоченности. При этом если меру дезорганизации выражает понятие «энтропия», то меру организации выражает понятие «негэнтропия». Одна из важнейших познавательных функций понятия «организация» состоит в том, что

¹ Пригожин Илья, Стенгерс Изабелла. Порядок и хаос: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. М., 1986; Николас Г., Пригожин И. Познавание сложного. Введение: Пер. с англ. М., 1990; Пригожин И. Философия неустойчивости // Вопр. философии. 1991. № 6 С. 46–52; Пригожин И. Введение в термодинамику необратимых процессов: Пер. с англ. 2-е изд. Ижевск, 2001; Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. 5-е изд. М., 2003; Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика // Нелинейные волны: самоорганизация. М., 1983; Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990; Добронравова И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев, 1990; Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999; Аришинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 2001; Астафьева О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М., 2002; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002; Романов В. Л. Синергетика социальной самоорганизации, управление изменениями. М., 2003; Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях неустойчивости. М., 2003; Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004; Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2006. № 9. С. 3–33.

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке. С. 35.

³ Садовский В. Н. Основания общей теории систем. С. 163.

⁴ Урсул А. Д. Природа информации: Филос. очерк. М., 1968. С. 94.

оно позволяет систематически соотносить качественно различные системы действительности в определённой единой теоретической перспективе. Эта перспектива достигается благодаря рассмотрению различных систем под углом зрения присущих им способов своего упорядочения. <...> Понятие «организация» выражает *упорядоченность* системы в двух неразрывно связанных, но, тем не менее, различных планах: в плане *упорядочения связи* элементов в пределах системы и в плане *упорядочения взаимодействия системы* с внешней средой. И в последнем случае имеется в виду *связь*, но уже связь системы как целого с окружающей средой. *Тем самым, когда ставится задача характеристики того или иного типа организации, предполагается установление специфических способов упорядочения элементов исследуемой системы, с одной стороны, и упорядоченного взаимодействия системы со средой – с другой*¹.

Данное понятие имеет несколько вариантов определений. Так, А. А. Богданов связывает организованность целого с проявлением его свойства быть больше суммы своих частей. Чем больше целое разнится от суммы своих частей, тем более оно организовано². В. Боголепов и А. Малиновский считают, что термин «организация» используется в следующих значениях. Во-первых, как расположение, *соотношение частей* какого-либо целого, его строение, взаимосвязь. Во-вторых, как *объединение*, учреждение, социальный институт. В-третьих, как *упорядочение*, налаживание, *приведение в систему* некоторого материального или духовного объекта³. Б. Г. Юдин приводит следующие значения термина «организация».

Организация – это: 1) внутренняя *упорядоченность*, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленная его строением; 2) *объединение людей*, совместно реализующих некоторую программу или цель и действующих на основе определённых правил и процедур; 3) *процесс*, включающий в себя совокупность действий и *ведущий к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого*⁴. Согласно Я. Зеленовскому, термин «организация» может использоваться либо в *атрибутивном значении*, когда под организацией понимается название признака, свойства, атрибута той или иной вещи, того или иного предмета, либо *предметном значении*, когда под организацией понимается название самой вещи, самого предмета или класса вещей, предметов, либо *функциональном значении*, когда под организацией понимается название функции, отношения целого или его частей к другому целому или другим частям того же самого целого. Именно это, последнее, значение термина «организация» Я. Зеленовский предлагает исключить из употребления, заменив его в соответствующих случа-

¹ Маркарян Э. С. Человеческое общество как особый тип организации // Вопр. философии. 1971. № 10. С. 64.

² Богданов А. Всеобщая организационная наука. СПб, 1912. Ч. I. С. 31.

³ Боголепов В., Малиновский А. Организация // Философская энциклопедия: М., 1967. Т. 4. С. 160.

⁴ Юдин Б. Г. Организация // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М., 1983. С. 463; *Он же*. Организация // БСЭ. 2-е изд.; *Советский энциклопедический словарь*. С. 931.

ях термином «организование», обозначающим преобразование взаимоотношений частей предмета и (или) сложного процесса друг с другом и их отношений к нему как целому¹.

Исходя из сказанного, необходимо произвести следующие различия. Во-первых, *организованность как атрибут*, свойство, признак всякой системы. Во-вторых, *организацию как институциональную, предметную форму существования и проявления организованности* определённого множества людей. Назовём её *организацией-институтом*. В-третьих, *организацию как функцию*, направленную на *формирование*, образование, создание или *увеличение организованности* того или иного объекта. Её можно было бы назвать либо, согласно Я. Зеленовскому, *организовыванием*, «*организованием*», либо *организационной функцией*, *организующей функцией*, *организующим отношением*, либо сохранить за ней термин «*организация*». В последнем случае исключению из употребления подлежит термин «*организация*», используемый не в функциональном значении, как это предлагает Я. Зеленовский, а в институционально-предметном значении, который может быть заменён термином «*организация-институт*».

Вслед за У. Эшби², понятие организованности, как правило, используется в качестве равнозначного понятию упорядоченности, или порядка. Поэтому, в отличие от несистемных объектов, всякая *система*, будучи организованной, представляет собой определённым образом *упорядоченное целое, упорядоченную целостность*, т. е. *интегрально связную и упорядоченную совокупность элементов*. Это есть такое целостное, т. е. интегрально связное, множество элементов, которое упорядоченно определённым образом, обладает определённой упорядоченностью. В нём все его элементы, а также отношения, в том числе связи, этих элементов друг с другом и окружающей внешней средой определённым образом упорядочены. Иначе говоря, система – это такая целостная совокупность элементов, в которой доминирует не хаос, беспорядок, неупорядоченность, а порядок, упорядоченность. «Система, – отмечает Т. Саати, – это упорядоченное целое...»³. «Системой, – пишет В. Н. Садовский, – мы будем называть упорядоченное определённым образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство»⁴. При этом порядком, или упорядоченностью, называют пространственное или

¹ Зеленовский Я. Организация трудовых коллективов: Введение в теорию организации и управления: Пер. с польск. М., 1971. С. 37–38. Следует обратить внимание на то, что термин «организация» в его предметном значении часто и не совсем правомерно используют как синоним структуры или системы. В частности, это находит своё практическое воплощение в разговорной речи, когда ту или иную организацию, то или иное учреждение (например, парламент, администрацию президента, правительство) называют структурой.

² См., например: Эшби У. Р. Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации: Сб. М., 1966. С. 316.

³ Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. С. 308; Морозов Е. Н. Методология и методы анализа социальных систем. М., 1995. С. 31.

⁴ Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 173.

временное отношение, соотношение друг с другом, в том числе расположение, размещение, распределение и движение в пространстве или во времени относительно друг друга, в некоторой повторяющейся последовательности¹ какой-нибудь совокупности или какого-нибудь множества элементов. Уже Аристотель указывает, что «всякий порядок есть отношение». Например, «всё попеременно покоится и движется», и «в этом уже есть какой-то порядок»². М. И. Сетров, считает, что «порядок всегда есть отношение. Однако не всякое отношение является порядком. <...> Порядком можно назвать соотношение предметов или процессов в некоторой повторяющейся пространственной и временной последовательности. Важным моментом здесь является степень единообразия (повторяемость) этой последовательности. Чем больше степень единообразия, тем выше порядок. Отсюда и известное положение в теории информации: вероятность порядка в системе тем больше, чем меньше разнообразие её элементов»³. Ю. М. Резник определяет порядок как «взаимное расположение элементов, обеспечивающее устойчивость и стабильность системы в рамках данной системы представлений. Другими словами, это – такое расположение компонентов системы, которое удовлетворяет условиям её оптимального (с точки зрения субъекта) функционирования»⁴. Согласно В. И. Далю, порядок – совокупность предметов, стоящих по порядку, рядом, рядком, в ряд, сподряд, не вразброд, не враскид, а один за другим; ряд, линия, шеренга, строй || Устройство, образ расположения, вид расстановки, способ размещения || Вообще последовательность в деле, заранее обдуманый ход и действия... По порядку, сряду, сподряд, по порядку, поочередно || Правильное устройство, соблюдение стройности, чередного хода дел, определённого расположения вещей, по очереди⁵. Согласно С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой, порядок – 1) правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь; 2) последовательный ход чего-нибудь; 3) правила, по которым совершается что-нибудь; существующее устройство; 4) военное построение⁶.

Порядок, или упорядоченность, – это повторяющаяся последовательность пространственных или временных отношений, соотношений друг с другом, в том числе расположения, размещения, распределения и движения относительно друг друга в пространстве или времени, какой-нибудь совокупности или какого-нибудь множества элементов. Применительно к специфически человеческим системам порядок означает и предполагает, кроме того, ещё и по-

¹ Согласно С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой, слово «последовательный» означает: 1) непрерывно следующий за другим; 2) логически обоснованный, закономерно вытекающий из чего-нибудь (см.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2005).

² *Аристотель.* Соч. Т. 3. С. 224, 224–225.

³ *Сетров М. И.* Принцип системности и его основные понятия // Проблемы методологии системного исследования. С. 56.

⁴ *Резник Ю. М.* Введение в социальную теорию. С. 499.

⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1990. Т. III. С. 327.

⁶ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2005.

вторяющееся следование определённым установленным людьми нормам: нормам-запретам, нормам-разрешениям, нормам-предписаниям, а также нормам-принципам, нормам-правилам, нормам-требованиям, нормам-образцам, описывающим указанную последовательность. Количественно упорядоченность определяется как величина, обратная энтропии и выражаемая в единицах количества информации, в частности, в битах. При этом необходимо учитывать, что упорядоченности всякого множества элементов противостоит его неупорядоченность, которая является обратной стороной упорядоченности.

Будучи родственными, понятия организованности и упорядоченности вместе с тем не тождественны, неравны, неравнозначны друг другу. Всякая организованность предполагает упорядоченность определённой совокупности или определённого множества элементов и, следовательно, предполагает их пространственно-временную последовательность, невозможна без неё. «Организация, — пишет Ф. Шеллинг, — это заключённая в границы и представленная фиксированной последовательность», т. е. «представленная в покое последовательность»¹. Однако не всякая упорядоченность является организованностью. Или, говоря иначе, всякий организованный объект упорядочен, но не всякий упорядоченный объект организован. В отличие от упорядоченности, которая свойственна не только системным, но и бессистемным объектам, организованность присуща исключительно лишь системным объектам, т. е. системам. Поэтому верным является утверждение, что *всякий системный объект — это организованный объект*, точно так же как и обратное утверждение, что *всякий организованный объект — это системный объект*. Поскольку всякая система представляет собой такую совокупность элементов, элементы которой интегрированы друг с другом, то и организованность всякого системного объекта возможна лишь при интеграции друг с другом образующих его элементов. В отличие от упорядоченности этих элементов, которая возможна и без их интеграции друг с другом. Организованность той или иной системы, в отличие от упорядоченности, предполагает также достаточно высокую степень (меру) *сложности* данной системы. «Организация и сложность, — пишет А. Рапопорт, — связаны между собой»². Более определённо высказывается А. Д. Урсул, когда замечает, что «организованное множество обязательно должно быть сложным»³. При этом сложность системы определяется мерой расчленённости, дифференциации системы, количеством и разнообразием образующих её элементов. Кроме того, она, в отличие от упорядоченности, предполагает достаточно высокую меру разнообразия отношений⁴, прежде всего, интегрирующих отношений, существующих между этими элементами. Причём мера организованности системы зависит от многих факторов, в том числе от её способности противодействовать внешним и внутренним возмущениям, препятствующим достижению определённого конечного состояния (аттрактора), к которому стремится данная сис-

¹ Шеллинг Ф. В. И. Соч. Т. 1. С. 365.

² Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем. С. 98.

³ Урсул А. Д. Природа информации. С. 87.

⁴ См., например: Урсул А. Д. Природа информации. С. 86–87, 97.

тема благодаря своей организованности, а также от разнообразия отношений, существующих между образующими её элементами. В связи с этим А. Рапорт пишет: «Система тем более организована, чем больше у неё возможности противодействовать возмущениям относительно «достижения выбранной цели». Фразу в кавычках следует понимать метафорически. Никакого сознательного стремления к целям системе приписывать не следует. «Цель» в общем смысле – это просто некоторое конечное состояние, к которому стремится система в силу своей структурной организации...»¹. Согласно А. Д. Урсулу, «разнообразие любых типов отношений и любых типов связей характеризует степень организации совокупности»².

В отличие от организованности, организация, если использовать данное понятие в его функциональном значении, т. е. в значении организовывания, «организования», присуща, так же как и упорядоченность, не только системным, но и несистемным, бессистемным объектам. Более того, так понимаемая организация, равно как и упорядочение, какой-либо совокупности или какого-либо множества элементов является условием превращения, трансформации, преобразования несистемных объектов в системные объекты, т. е. условием возникновения, формирования, образования, а также совершенствования, развития систем. В этом случае понятие «организация» используется не в его атрибутивном или предметном значении, а в его функциональном значении, как функция, присущая интегрирующим отношениям той или иной совокупности элементов и обеспечивающая их организованность, или упорядоченность. Это есть понятие, с помощью которого может быть обозначена функция организовывания, «организования», или упорядочения, той или иной совокупности элементов, т. е. изменения количественной и качественной меры её организованности, упорядоченности в определённом направлении, в частности, в сторону увеличения этой организованности, упорядоченности. И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин отмечают, что «понятие организации наряду с количественной характеристикой упорядоченности выражает также направленность этой упорядоченности»³. Причём данная направленность относится как к системной, целостной, интегрально связанной, так и несистемной, в том числе суммарной или бессвязной, совокупности элементов. Поэтому организация, рассматриваемая в функциональном значении этого понятия, т. е. как *организация-функция*, может быть определена как такое изменение количественной и качественной меры организованности, или упорядоченности, той или иной совокупности элементов, которое направлено в сторону увеличения этой организованности, упорядоченности. Коротко говоря, *организация – это функция увеличения организованности, или упорядоченности, той или иной совокупности элементов*.

¹ Рапорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем. С. 98.

² Урсул А. Д. Природа информации. С. 87.

³ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке. С. 35.

Противоположным понятию организации является понятие дезорганизации, которое обозначает функцию, направленную в сторону уменьшения организованности, упорядоченности той или иной совокупности элементов. Коротко говоря, дезорганизация – это функция уменьшения организованности, или упорядоченности, той или иной совокупности элементов. Организация проявляется либо как переход от неупорядоченности, беспорядка к упорядоченности, порядку, либо как переход от одного, меньшего, порядка к другому, большему, порядку. Дезорганизация же проявляется либо как переход от упорядоченности, порядка к неупорядоченности, беспорядку, либо как переход от одного, большего, порядка к другому, меньшему, порядку. Поскольку упорядоченность представляет собой обратную сторону неупорядоченности, то организация может быть определена как функция уменьшения неупорядоченности объекта, как переход от одного, большего, беспорядка к другому, меньшему, беспорядку, а дезорганизация – как процесс увеличения его неупорядоченности, как переход от одного, меньшего, беспорядка к другому, большему, беспорядку.

И понятие организации, и понятие дезорганизации, при условии использования их лишь в функциональном (но не в атрибутивно-предметном!) значении, применимы к любым совокупностям, множествам элементов: как организованным, системным, так и неорганизованным, бессистемным. Первое из них, т. е. понятие организации, может быть определено не только как функция увеличения упорядоченности или уменьшения неупорядоченности совокупности элементов, но и как функция увеличения количественной и качественной меры её системности, целостности, интегральной связности. Второе же понятие, т. е. понятие дезорганизации, может быть определено не только как функция уменьшения упорядоченности или увеличения неупорядоченности совокупности элементов, но и как функция уменьшения количественной и качественной меры её системности, целостности, интегральной связанности, или, наоборот, как функция увеличения её бессистемности, разъединённости, бессвязности. Поэтому организация совокупности элементов предполагает, помимо всего прочего, их интеграцию, объединение, соединение, а дезорганизация – их дезинтеграцию, в том числе разложение, или распад, данной совокупности на ряд относительно самостоятельных, независимых, разъединённых друг с другом элементов.

При этом необходимо учитывать, что во всякой системе отношения между её элементами содержат в себе две основные и противоположные друг другу тенденции: тенденцию к *сохранению*, неизменности и тенденцию к *изменению*, вплоть до разрушения, распада, разложения её интегральной связности, целостности, организованности. Это есть не только отношения *статики*¹ и *синхронии*², но и отношения *динамики*³ и *диахронии*¹, т. е. динамические и диахрони-

¹От греч. *statos* («стоящий») – 1) раздел механики, в котором изучается равновесие тел под действием сил; 2) состояние покоя или равновесия.

²От греч. *synchronos* – «одновременный»; от греч. *syn* – «вместе» и *chronos* – «время».

³От греч. *dynamikos* («относящийся к силе, сильный») – 1) раздел механики, изучающий движение тел в зависимости от действующих на них сил; 2) состояние движе-

ческие отношения. Если, как отмечает Ж. Эрман, «структура системы, – это простое синхронное соединение элементов системы», то «организация системы – это совокупность диахронических принципов образования и видоизменения таких синхронных соединений, принципов, которые обеспечивают самоидентичность структуры во времени»².

Необходимо также учитывать, что функция организации системы всегда осуществляется под определённым воздействием различного рода факторов³, или возмущений, которые могут быть либо внешними, находящимися вне данной системы и не принадлежащими ей, либо внутренними, находящимися внутри данной системы и принадлежащими ей самой. В частности, процесс организации системы может осуществляться ею самою, самостоятельно, автоматически, под воздействием не столько внешних, сколько внутренних факторов-возмущений. В этом случае данная система является *самоорганизующейся*.

Термин «самоорганизующаяся система» впервые предложил в 1947 году У. Р. Эшби⁴. Л. фон Берталанфи следующим образом характеризует данное понятие: «Понятие самоорганизующейся системы, согласно Эшби, может иметь два значения: (1) система в начале своей работы имеет отделённые друг от друга части, а затем эти части изменяются таким образом, что между ними устанавливаются некоторые связи (например: клетки эмбриона сначала почти не воздействуют друг на друга, а затем, с ростом дендритов и образованием синапсов, соединяются в нервную систему, в которой поведение каждой части в сильной степени зависит от других частей). Таким образом, первым значением понятия «самоорганизующаяся система» является «изменение от неорганизованной системы к организованной». (2) Второе значение этого понятия – «изменение от плохой организации к хорошей» (примеры: ребёнок, организация мозга которого сначала заставляет его тянуться к огню, а затем при новой организации избегать его; автопилот и самолёт, соединённые сначала положительной обратной связью, усугубляющей ошибки, и затем освобождающиеся от этого. В приведённых примерах организация сначала является несовершенной. Система оказывается «самоорганизующейся», если её изменение происходит автоматически (например, изменение положительной обратной связи на отрицательную)»⁵.

Таким образом, понятия организации и самоорганизации неразрывно связаны с понятиями *управления* и *самоуправления*. Вместе с тем, они не тождественны, неравнозначны друг другу. Так, если организация или самоорганизация

ния, ход развития, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов; 3) обилие движения, действия.

¹ От греч. *dia* – «через, сквозь» и *chronos* – «время».

² Эрман Ж. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики // Индивиды в международной политике: Пер. с фр. М., 1996. С. 58.

³ От лат. *factor* – «делящий, производящий», т. е. причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты.

⁴ Ashby W. R. Principles of the Self-organizing Dynamic System // Journal General Psychology. 1947. N 37. P. 125–128.

⁵ Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор. С. 35.

может осуществляться в любых, в том числе физических и относительно простых системах, то управление и самоуправление осуществляется (и необходимо!) лишь в определённых системах, системах особого рода. В частности, в достаточно сложных динамических, изменяющихся, в том числе специфически человеческих, системах. «Управление, – подчёркивает В. Г. Афанасьев, – осуществляется не во всяких, а только в весьма сложных подвижных системах», в частности, оно присуще биотическим и антропным (специфически человеческим) системам, в том числе «искусственно созданным человеком системам автоматических машин и механизмов»¹. При этом он ссылается на А. И. Берга, который выделяет три основные области (сферы) управления: управление системами машин, технологическими процессами и всякими другими процессами, имеющими место при целенаправленном воздействии человека на природу; управление деятельностью человеческих коллективов, решающих ту или иную задачу; управление процессами, происходящими в живых организмах².

Необходимо, следовательно, различать *системы управляемые*, в том числе *самоуправляемые*, и *неуправляемые*. Кроме того, необходимо учитывать, что мера организованности систем может быть либо минимальной, или слабой, либо более или менее высокой, т. е. более чем минимальной. Поэтому необходимо также различать системы *слабо* (минимально) *организованные* и *более-менее высокоорганизованные*.

Таким образом, системы являются результатом не только интеграции, интегрирования входящих в них элементов, но и их организации, «организовывания», «организования», в том числе самоорганизации. В отличие от бессистемных, суммарных и разъединённых, совокупностей, множеств, которые являются *неорганизованными*, в том числе *дезорганизованными*, т. е. являются результатом дезорганизации. При этом необходимо учитывать, что в каждой, в том числе системной или бессистемной, суммарной или разъединённой, совокупности элементов существуют и проявляются две тенденции: тенденция их организации, «организовывания», «организования» и тенденция их дезорганизации. Одна из них, как правило, является определяющей, т. е. доминирующей над другой. Как отмечает В. П. Бранский, в различного рода системных объектах сосуществуют две основные тенденции: «1) стремление к максимальному неупорядоченному состоянию (хаосу) в замкнутых (изолированных от внешних воздействий) системах; и 2) стремление к тем или иным формам упорядоченности (при определённых условиях) в открытых системах»³. Соотношение этих двух тенденций – организации («организовывания», «организования») и дезорганизации, в том числе доминирование одной из них по отношению к другой, определяет организованность или неорганизованность той или иной совокупности элементов. В случае, когда в совокупности элементов доминирует тенденция

¹ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. (Опыт системного исследования). М., 1968. С. 24, 23.

² Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964. С. 21–22.

³ Бранский В. П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопр. философии. 2000. № 4. С. 112–113.

организации, «организовывания», «организования», – это есть системная совокупность, т. е. система. В случае, когда в совокупности элементов доминирует тенденция дезорганизации, – это есть бессистемная, т. е. суммарная или разъединённая, совокупность. В первом случае отношения, существующие между элементами совокупности, могут быть определены как *организующие отношения*, во втором случае – как *дезорганизующие отношения*.

Организующие отношения в свою очередь могут быть либо *координирующими*¹, координационными, либо *субординационными*², «субординирующими», либо *регулирующими*, регуляционными. Или, говоря иначе, отношения организации могут проявляться в форме либо координации, либо субординации, либо регуляции. Первые обеспечивают координацию, или согласование, элементов совокупности «по горизонтали», вторые обеспечивают их субординацию, или соподчинение, «по вертикали», третьи обеспечивают их регулирование, регуляцию, включая управление. «Совокупность, – пишет Н. Д. Кондратьев, – представляет собой целое лишь при таких связях элементов, лишь при таком строении, когда в ней есть внутренняя организованность, когда имеет место определённая дифференциация её частей и каждая часть выполняет известную функцию, соподчинённую жизни всей совокупности, когда, наконец, совокупность как таковая обладает в тех или иных границах свойствами замкнутости, самодавления, хотя, разумеется, и не полной независимости в отношении других совокупностей и вещей. <...> Элементы и части целого могут быть не только координированы между собой, но соподчинены в своих функциях в какой-то данный момент единому руководящему центру, и служить единой системе задач. И наоборот, они могут быть координированы без такого соподчинения единому центру. В первом случае перед нами будет совокупность, представляющая собой не только целое, но одновременно и телеологическое единство. Во втором случае мы будем иметь совокупности, представляющие собой целое лишь в виде системы. Наиболее ярким видом совокупности как целого и одновременного телеологического единства является организм, хозяйственное предприятие, государство, политическая партия и т. д. Отличительной чертой такого единства, как организм, является при этом его неделимость. Примером единства как системы могут служить такие совокупности, как солнечная система, растительное сообщество, например, лес и т. д.»³.

Исследователи выделяют следующие *методологические принципы синергетики*:

а) принципы, характеризующие фазу «порядка», стабильности функционирования системы:

1. Принцип гомеостатичности, т. е. *поддержания программы функционирования системы в некоторых рамках* (границах), *позволяющих ей следовать к своей цели* (к своему аттрактору – притягивателю), поскольку, согласно Н. Винеру, всякая система телеологична – имеет *цель-программу* своего существова-

¹ От лат. *co* – «совместно» и *ordinatio* – «упорядочение».

² Позднелат. *subordinatio*, от лат. *sub* – «под» и *ordinatio* – «упорядочение».

³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 25–26.

ния и поведения, от которой она получает *сигналы*, позволяющие ей не сбиться с курса, а благодаря *отрицательным обратным связям*, подавляющим любое отклонение от него, имеет возможность *корректировать* свое поведение.

2. Принцип иерархичности, т. е. многоуровневого характера структур системы, в которой существуют нижестоящие и вышестоящие (например, микро-, мезо-, макро-, мега-уровни) структуры (например, в языковой системе – слова, фразы, тексты; в мире политических идей – политические мнения, взгляды, программы; в системы государственно-политического управления – местные, региональные, центральные). Каждый уровень имеет внутренний предел сложности. То, что для низшего уровня выступает как структура-порядок, для высшего уровня есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал. Всякий раз элементы, связываясь в структуру, передают ей часть своих функций, степеней свободы, которые теперь выражаются от лица коллектива всей системы. Высший уровень системы имеет возможность дирижировать поведением множества элементов её низшего уровня. Долгоживущие переменные управляют короткоживущими, вышележащий уровень – нижележащим.

б) принципы, характеризующие фазу трансформации (становления), обновления системы, прохождения последовательно этапов гибели старого порядка, хаоса испытаний альтернативами и, наконец, рождения нового порядка:

3. Принцип нелинейности, согласно которому результат суммы воздействий на систему (и её изменений) не равен сумме результатов этих воздействий (этих изменений), когда результаты действующих причин нельзя суммировать:

Результат Суммы Причин $\neq$ Сумме Результатов Причин

Иначе говоря: результат не пропорционален усилиям; игра не стоит свеч; целое не есть сумма его частей; качество суммы не тождественно качеству слагаемых, поскольку в системе число связей между её элементами растёт быстрее роста числа самих элементов.

Люди часто, усваивая опыт, прогнозируют события, линейно экстраполируя (продолжая) в будущее происходящее в настоящем или бывшее в ближайшем прошлом. Но история – это нелинейный процесс и её уроки не сводятся к выработке условного рефлекса на происходящее. Любая граница целостности объекта, его разрушения, разделения, поглощения, предполагает нелинейные эффекты. Нелинейность «живёт», ярко появляется вблизи границ существования системы. Чтобы перейти от одного состояния гомеостаза к другому, необходимо попасть в область их совместной границы, сильной нелинейности. Барьер тем выше, чем сильнее притяжение и больше область гомеостаза. Радикальная перестройка системы, находящейся вблизи глубокого гомеостаза, требует больших усилий. Человеческая деятельность и человеческие отношения носят крайне нелинейный характер, в частности, потому, что существуют границы чувств, эмоций, страстей, вблизи которых поведение становится «неадекватным».

4. Принцип незамкнутости (открытости), т. е. невозможности пренебрежения взаимодействием системы со своим окружением, с которым она обменивается веществом (массой), энергией и информацией.

5. Принцип неустойчивости, характеризующий систему в состоянии, когда она подходит к точке выбора (бифуркации), как мгновению между её прошлым и будущим:

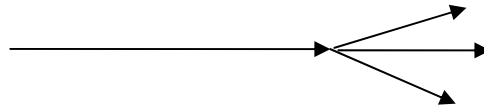

Рис. 3.1. Точка бифуркации

Состояние, траектория или программа системы неустойчивы, если любые сколь угодно малые отклонения от них со временем увеличиваются. Символом неустойчивости является перевёрнутый маятник (рис. 1.6), который готов упасть вправо или влево в зависимости от малейших воздействий извне или случайных колебаний маятника, ранее абсолютно несущественных.

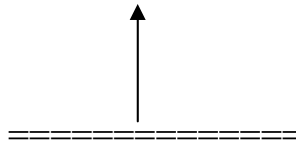

Рис. 3.2. Перевёрнутый маятник

6. Принцип динамической иерархичности (эмерджентности), т. е. основной принцип прохождения системой точек бифуркаций, её становления, рождения и гибели её иерархических уровней. Это обобщение принципа подчинения на процессы становления – рождения параметров порядка, когда приходится рассматривать взаимодействие более чем двух уровней, и сам процесс становления есть процесс исчезновения, а затем рождения одного из них в процессе взаимодействия минимум трёх иерархических уровней системы; здесь, в отличие от фазы стабильности, переменные параметры порядка, напротив, являются самыми быстрыми, неустойчивыми переменными среди конкурирующих макрофлуктуаций (случайных отклонений характеристик системы от средних значений). Он описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, т. е. на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров мегауровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройки её структуры. В точке бифуркации макроуровень (например, центральная власть) исчезает, возникает прямой контакт микроуровней (например, региональных властей), рождающий макроуровень (центральную власть) с новыми качествами.

7. Принцип наблюдаемости, который подчёркивает ограниченность и относительность наших представлений о системе в конечном эксперименте, отно-

сительность интерпретаций к масштабу наблюдений и изначальному ожидаемому результату. С одной стороны, то, что было хаосом с позиций макроуровня, превращается в структуру при переходе к масштабам микроуровня, т. е. сами понятия порядка и хаоса относительно к масштабу-окну наблюдений; целостное описание иерархической системы складывается из коммуникаций между наблюдателями разных уровней. С другой стороны, мы видим в первую очередь то, что хотим, что готовы видеть¹.

4. Деятельностный подход (теория деятельности)

Понятия «деятельность», «активность», «поведение» в современной науке относятся к числу фундаментальных. Они оказали и продолжают оказывать заметное влияние на различные сферы гуманитарных наук. Своими корнями деятельностный подход восходит к работам И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, К. Маркса. И хотя ещё Аристотель отмечает, что «деятельность – главное в жизни», что «жизнь – это своего рода деятельность»², лишь И. Кант возводит проблему деятельности в ранг философской, методологической проблемы, «впервые разрушил миф о пассивной, созерцательной природе разума, человеческого сознания вообще»³. Г. Гегель, а за ним К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин отмечают, что существуют две основных формы объективного процесса: природа и целесообразная деятельность людей. Первую изучают естественные науки, или «науки о природе», вторую социальные науки, или «науки о культуре», к которым относится также и политология.

Как отмечает Э. Г. Юдин, понятие деятельности употребляется с определённой методологической нагрузкой, играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку через него даётся универсальная характеристика человеческого мира, его фундаментальное измерение. Это понятие задаёт такой взгляд на социальную реальность, при котором из множества её разнообразных напластований вычленяется то и только то, что объединяется в определённое целое как мир Деятельности, её продуктов, условий и форм организации. Немецкая классическая философия в лице Канта, Фихте и Гегеля не просто указала на деятельность как на «первоматерию» человеческого мира, но раскрыла этот мир как подлинный универсум деятельности. Так, Фихте вполне последовательно строит свою систему как философию активизма, а Гегель довершает дело, проектируя на принцип деятельности всю человеческую историю и – что не менее важно – придавая этому принципу структурно развёрнутое выражение через категории цели, средства и результата. Однако универсальность понятия деятельности не означает, что с его помощью можно объяснить всё, что угодно. Оно не может выступать в качестве единственной и исчерпывающей основы изучаемых явлений, в частности, политики, так как всякое понятие, сколь бы оно ни было универсальным, задаёт вполне определённые границы предмету

¹ Буданов В. Г. О методологии синергетики // *Вопр. философии*. 2006. № 5. С. 79–94.

² *Аристотель*. Соч. Т. 4. С. 71, 275.

³ *Бородай Ю. М.* Воображение и теория познания. С. 17.

мысли, и в рамках этих границ могут решаться только вполне определённые, а отнюдь не любые произвольные типы научных задач. Исследование должно осознавать и учитывать ограничительный характер, предел всякого объяснительного принципа и понятия, составляющего его основу¹.

В социологии основы теории деятельности заложили Э. Дюркгейм (Durkheim), М. Вебер (Weber), В. Парето (Pareto), Ф. Знанецкий (Znaniecki), Т. Котарбинский (Kotarbinski). Однако более или менее систематизированная концепция деятельности появляется лишь в работах Т. Парсонса (Parsons), прежде всего, в его работе «Структура социального действия», которая впервые была опубликована в конце 30-х годов XX века, но широкую известность получила лишь в послевоенный период. Заметный вклад в разработку теории деятельности внесли во второй половине XX века Э. Гидденс (Giddens), А. Турен (Touraine), Ю. Хабермас (Habermas).

В отечественной литературе исследованию деятельности было посвящено немало книг и статей. Деятельность вызывает интерес не только философов, но и представителей частных наук, в том числе представителей психологии, социологии, культурологии, логики, лингвистики, искусствоведения и, конечно, политологии, а также представителей естественных и технических наук. Журнал «Вопросы философии» в середине 1980-х годов провёл специальный «круглый стол» по данной проблеме². Можно сказать, что возникла своеобразная мода на употребление терминов «деятельность», «деятельностный подход». Среди исследователей деятельности необходимо назвать таких философов, как Г. С. Батищев, Л. П. Буюва, М. А. Булатов, М. С. Каган, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, В. А. Лекторский, М. А. Розов, В. Н. Сагатовский, Н. Н. Трубников, В. П. Тыщенко, В. П. Фофанов, В. С. Швырёв, Г. П. Щедровицкий, Б. Г. Юдин. Все они в той или иной мере опираются не только на классическую немецкую философию, но и на достижения психологии, прежде всего, на труды создателей психологической теории деятельности – Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева.

Как мировоззренческо-методологический ориентир, бихевиоризм также первоначально сложился в психологии. Программу бихевиоризма и сам термин впервые предложил Дж. Уотсон (Watson) в опубликованной весной 1913 года статье «Психология с точки зрения бихевиоризма», а в своем фундаментальном труде «Психология как наука о поведении», вышедшем в свет в 1919 году, он показывает, что ко всем проблемам психологии можно подойти с этой новой точки зрения. Его последователями были многие психологи. Затем бихевиоризм проникает в социальную психологию, социологию, политическую науку и завоевывает здесь прочные позиции.

Наиболее видными родоначальниками бихевиористской ориентации в политологии являются американские учёные Ч. Мерриам и Г. Лассвелл. Они, а за ними и многие другие исследователи, например, бихевиористы А. де Грация,

¹ Юдин Э. Г. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // *Вопр. философии*. 1976. № 5. С. 65, 70, 68, 73, 74.

² *Философские проблемы деятельности* (Материалы «Круглого стола») // *Вопр. философии*. 1985. № 2, 3, 5.

К. А. Маккой, постбихевиористы Ю. Дж. Меен, К. Ней, Дж. Л. Уолкнер, сосредоточились на изучении политического поведения людей. Бихевиористский подход требует от политологов изучать преимущественно политическое поведение индивидов и их групп, трактовать это поведение как взаимосвязь «стимула»¹ и «реакции»², как побуждаемое определёнными мотивами, а также требует качественного и количественного его измерения, использовать для этого методы точных наук.

«Кредо бихевиоризма, – отмечают В. П. Пугачёв и А. И. Соловьёв, – политология должна изучать непосредственно наблюдаемое (вербальное, словесное и практическое, осознанное и мотивированное подсознанием) политическое поведение людей при помощи строго научных, эмпирических методов»³. Конституирующими началами этого подхода в политологии выступают следующие парадигмы: 1) личностное измерение, когда коллективно-групповые действия людей так или иначе восходят к поведению конкретных личностей, являющихся объектом политологического исследования; 2) доминирование психологических мотивов в политическом поведении, которые далеко не всегда внешне детерминированы и могут иметь специфическую индивидуальную природу; 3) разграничение фактов и ценностей, освобождение политологии от ценностных суждений; 4) использование в политологии методов и достижений других наук, в том числе естественных; 5) квантификация, т. е. количественное выражение и измерение, политических явлений⁴.

Большинство политологов и ныне придерживаются бихевиористской ориентации, поскольку, изучая политические явления и события, они фиксируют внимание на том, что делают люди, когда вовлекаются в политику, что представляет собой эти действия и эти отношения. Следует, пожалуй, согласиться с К. Дойчем, который уверен, «что бихевиористский подход не исчезнет, как какое-то *модное направление*», «в политических исследованиях длительное время будут использоваться главным образом бихевиористские данные»⁵.

Следуя этим мировоззренческо-методологическим ориентирам, можно прийти к выводу, что человеческая деятельность, которую необходимо отличать от биофизической (физико-химической и биотической) активности, предстаёт перед нами в качестве необходимого и всеобщего содержания (элемента) человеческой истории, человеческого бытия. «История, – отмечает К. Маркс, – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»⁶. И это действительно так, ибо «деятельность есть отличительная черта... жизни...»⁷. Она

¹ От лат. *stimulus*, букв. – «остроконечная палка, которой погоняют животных, стрекало».

² От лат. *re* – приставка, указывающая на противоположное, обратное действие, противодействие, и лат. *actio* – «действие».

³ Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию. М., 1998. 3-е изд. С. 41.

⁴ Там же. С. 41–42.

⁵ Дойч К. Основные изменения в политологии /1952–1977/ // Политические отношения: прогнозирование и планирование. М., 1979. С.81.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

⁷ Гегель Г. Философия религии: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 175.

является «основной «единицей» жизненного процесса»¹, в том числе политики. «Само существование выступает как акт, процесс, действие»². Точно так же как и субъект-контрсубъектные отношения. Вне деятельности и вне субъект-контрсубъектных отношений человеческая жизнь невозможна, а, следовательно, невозможны и все её, человеческой жизни, проявления, в том числе политика, политическое бытие людей, реальный процесс их политической жизни. При этом однако необходимо учитывать, что человеческая жизнь не исчерпывается деятельностью, субъект(контрсубъект)-объектными отношениями, а включает в свой состав также и субъект-контрсубъектные отношения.

Кроме того, следуя этим мировоззренческо-методологическим ориентирам, можно прийти к выводу, что: поле политики продуцируется политической деятельностью, а также политическими отношениями людей, в том числе находящихся внутри него; для каждого находящегося в нём человека оно, следовательно, выступает не только как нечто существующее независимо от него, но и как некоторая созданная им политическая конструкция, в том числе как некоторая ментальная конструкция, в следствии чего в нём необходимо различать: оригинал-политику (политику-оригинал) – реальную, действительную политику, и ментально сконструированную находящимся в нём человеком ментальную конструкт-политику – ментальную конструкцию политики, в том числе виртуальную политику, которых может быть несколько – столько, сколько находящихся в поле политики людей, у каждого своя (рис. 4.1).

Рис. 4.1. Оригинал-ситуация и производные от неё конструкт-ситуации

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972. С. 40.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Вопр. философии. 1969. № 8. С. 132.

При этом, однако, нельзя согласиться как с той радикально-ортодоксальной¹ позицией, согласно которой осмысление поля политики может быть сведено лишь к его более или менее адекватному или – в пределе – его зеркальному отражению, к его репродукции, так и с той позицией радикального конструктивизма, согласно которой оно представляет собой лишь некоторую созданную находящимися в нём людьми конструкцию².

5. Системно-синерго-деятельностная парадигма политологии

Согласно системно-синерго-деятельностной парадигме, политика может и должна рассматриваться как определённая совокупность соотносящихся друг с другом элементов: в частности, людей, осуществляющих определённую политическую деятельность и находящихся друг с другом в определённых политических отношениях. При этом политическая деятельность и политические отношения могут и должны изучаться как особого рода системы, т. е. как такие образования, в которых доминирует интегральная связанность (связность) находящихся в них элементов, а не их разъединённость или суммарная связанность. Так, любая деятельность (R), в том числе телесная, психическая, духовная (идеально-знаковая), социальная, вещественная, экономическая и политическая деятельность, представляет собой систему побуждаемых мотивами и осуществляемую субъектами или контрсубъектами политики ($C_{\Pi} \vee C'_{\Pi}$) субъект(контрсубъект)-объектных актов-отношений – психических актов (Па), высказываний (идеально-знаковых актов – В) и действий (материальных актов – Д),

$$R = \int (a_r)_n = \int (Pa \times D \times V). \quad (5.1)$$

включающих в свой состав определённые цели (Ц) – потенциальные (будущие) промежуточные результаты, отвечающие актуально доминирующим потребно-

¹ От гр. *orthodoxos, orthodoxia* («правовёрный») – неуклонное следование основам какого-либо учения, мировоззрения.

² Джерджен К. Дж. Социальный конструктивизм: знание и практика. Минск, 2003; Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб., 2000; Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2008. № 3. С. 3–37; Куайн У. Две догмы эмпиризма // Слово и объект. СПб., 2000. С. 340–365; Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Дерево познания. Биологические корни человеческого познания. М., 2001; Никольская А. В. Теория отражения VS конструктивизм // Вопр. психологии. 2010. № 1. С. 66–77; Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121; Режабек Е. Я. Радикальный конструктивизм: критический взгляд // Вопр. философии. 2006. № 8. С. 67–77; Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопр. психологии. 2009. № 2. С. 35–45; Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München, 2000; Schmidt S. Der radical Konstruktivismus: Ein neues Paradigma in interdisziplinären Diskurs (1978) // Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus / Hrgs. von S. Schmidt. 7 Aufl. F/M: Suhrkamp, 1996/

стям и репрезентированные в психических образованиях субъектов и контр-субъектов политики ($\text{Пр}^{-a}_{\pm\text{ND}}^{\text{П}}$), *объекты (О), средства (Ср) и результаты (Пр)*, когда

$$\text{Па} = [(\text{С}_{\text{П}} \leftrightarrow \text{С}'_{\text{П}})_{\text{То,По,Ио,Со,Во,Эо,П}}(\text{Ц} = \text{Пр}^{-a}_{\pm\text{ND}}^{\text{По}})] \rightarrow \rightarrow \text{Ср} \rightarrow \text{О} \rightarrow \text{По}_{\text{Пр}}, \quad (5.2)$$

$$\text{В} = [(\text{С}_{\text{П}} \leftrightarrow \text{С}'_{\text{П}})_{\text{То,По,Ио,Со,Во,Эо,П}}(\text{Ц} = \text{Пр}^{-a}_{\pm\text{ND}}^{\text{По}})] \rightarrow \rightarrow \text{Ср} \rightarrow \text{О} \rightarrow \text{Ио}_{\text{Пр}}, \quad (5.3)$$

$$\text{Д} = [(\text{С}_{\text{П}} \leftrightarrow \text{С}'_{\text{П}})_{\text{То,По,Ио,Со,Во,Эо,П}}(\text{Ц} = \text{Пр}^{-a}_{\pm\text{ND}}^{\text{По}})] \rightarrow \rightarrow \text{Ср} \rightarrow \text{О} \rightarrow \text{Мо}_{\text{Пр}}, \quad (5.4)$$

а также

1) *регулирующую, управляющую часть* ($\text{Уа}_{\text{г}}$), представленную соответствующими психическими образованиями и актами, которые *ориентируют, организуют и контролируют* осуществление, исполнение деятельности, когда

$$[\text{Уа}_{\text{г}} = \text{У}_{\text{Па}} \wedge \text{У}_{\text{Д}} \wedge \text{У}_{\text{В}}] = (\text{По}_{\text{У}} \wedge \text{Па}_{\text{У}}), \quad (5.5)$$

2) *исполнительную часть*, т. е. *операции*¹, *процедуры*², порядок, способы осуществления, исполнения деятельности ($\text{Иа}_{\text{г}}$), когда

$$[\text{Иа}_{\text{г}} = \text{И}_{\text{Па}} \wedge \text{И}_{\text{Д}} \wedge \text{И}_{\text{В}}] = (\text{Ср} \rightarrow \text{О} \rightarrow \text{Пр}), \quad (5.6)$$

что может быть представлено также рис. 5.1.

Исследуя их, политологи должны различать наличие или отсутствие в них системных признаков, свойств, качеств. Они должны изучать их с нескольких точек зрения. Во-первых, предметно – с точки зрения их состава, наличия в них определённого набора элементов и структуры, взаимосвязи между их элементами. Во-вторых, функционально – с точки зрения *внутреннего функционирования* их элементов, их роли в отношении друг друга и *внешнего функционирования*, их роли в отношении окружающей действительности, или среды. В-

¹ Лат. *operatio* – «действие». А. Н. Леонтьев отмечает, что «помимо своего интенционального (*что* должно быть достигнуто) действие имеет свой операционный аспект (*как*, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями её достижения. ...Поэтому действие имеет особое качество, особую его «образующую», а именно способы, какими оно осуществляется. Способы осуществления действия я называю *операциями*», «которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели» (см.: *Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность*. С. 107, 109).

² Лат. *procedere* – «продвигаться».

третьих, с точки зрения их истории – генезиса¹, происхождения, возникновения, порождения и перспектив развития, изменения, или эволюции (рис. 5.2)².

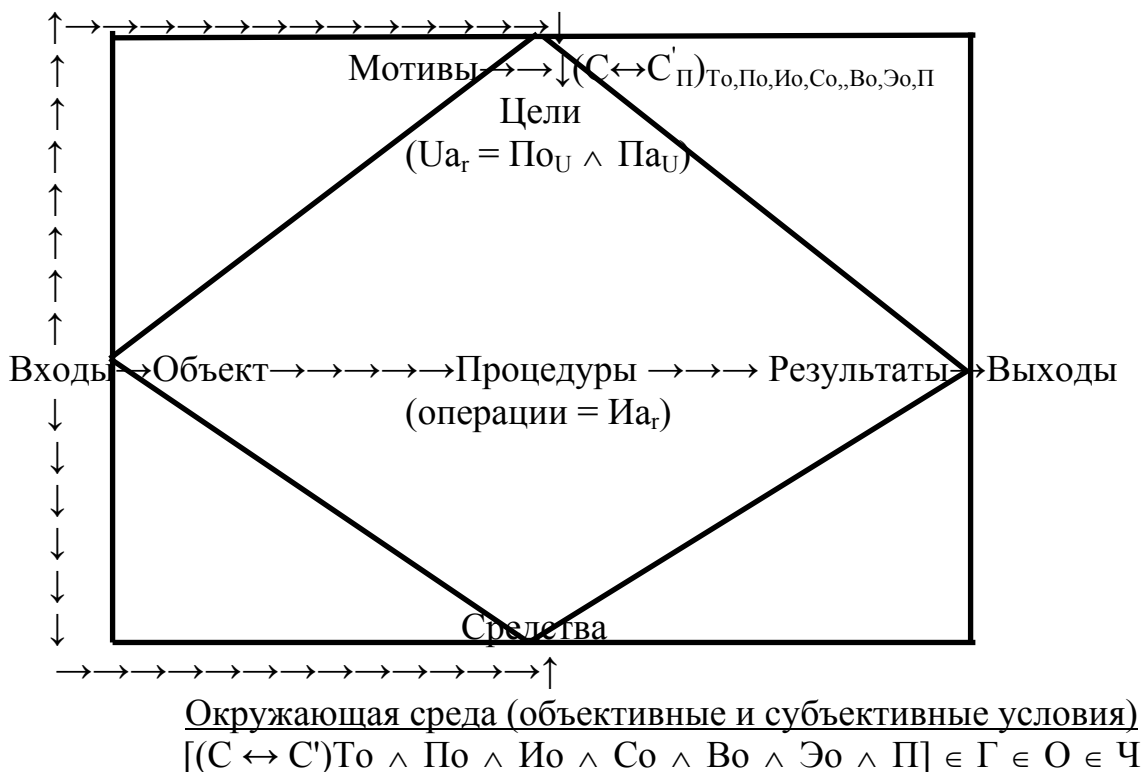

Рис. 5.1. Модель состава и структуры деятельности

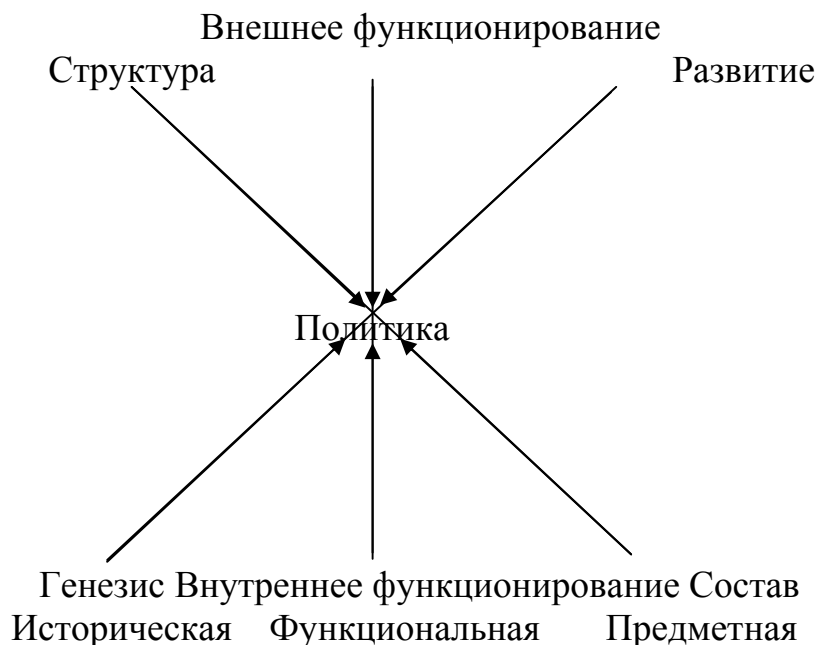

Рис. 5.2. Плоскости исследования политики

¹ От греч. *genesis* – «происхождение».

² Ср.: Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974. С. 22–31.

При этом все три плоскости, вектора, направления исследования должны не просто время от времени пересекаться друг с другом в некоторой исследовательской точке, а должны быть синтезированы, соединены, объединены, слиты друг с другом во всех возможных его точках. Речь, следовательно, идёт о синтезе структурного, функционального и эволюционного (исторического) подходов, а не об их плюрализме на основе известного принципа «всё дозволено», который выдвигает известный американский методолог науки П. Фейерабенд в связи с осознанием им ограниченности, односторонности любой методологии¹.

Такой подход, в частности, означает, что исследуемые нами объекты – политическая деятельность и политические отношения – должны изучаться как особенные, специфические объекты, отличные не только друг от друга, но и от других объектов. Во-первых, как системы, которые порождаются другой системой – системой более высокого порядка, и которые, изменяясь, эволюционируя, развиваясь, порождают свои собственные элементы – системы более низкого порядка. Во-вторых, как системы, которые являются элементами порождающей их системы. В-третьих, как системы, которые сохраняют все основные свойства порождающей их системы, сходство, единство, неразрывную внутреннюю связь с ней. В-четвёртых, как системы, которые представляют собой целостное множество соотносящихся друг с другом элементов, относительно независимых, отделённых друг от друга и одновременно зависимых, нераздельных друг от друга, т. е. связанных, объединённых друг с другом. В-пятых, как системы, которые состоят из элементов, представляющих собой системы более низкого порядка.

Системный подход требует также, чтобы политолог всесторонне исследовал, описал, объяснил и понял следующее. Во-первых, зависимость каждого элемента исследуемой системы от его места и функции в ней с учётом того, что их свойства в целом несводимы к сумме свойств их элементов. Во-вторых, насколько *динамика* исследуемой системы, её функционирование и развитие обусловлены особенностями её отдельных элементов и особенностями её структуры. В-третьих, специфику и механизм взаимосвязи, *взаимозависимости* исследуемой системы с порождающей их системой, а также между существующими, функционирующими и развивающимися внутри исследуемой системы её собственными элементами, их иерархичность.

Характеристика политической деятельности и политических отношений как систем означает необходимость их изучения как некоторых *целостностей*, когда целое не равно сумме частей, не сводимо к ней, не меньше и не больше суммы частей, когда оно качественно иное, т. е. означает необходимость их изучения как *органических систем*. Они должны изучаться не только и не столько как закрытые, сколько как в той или иной мере (частично или в полной мере) *открытые* системы, которые (даже такие «закрытые системы», как политические системы СССР или современной России) обмениваются чем-либо с окружающей средой, другими системами. Они должны изучаться не только как *статические*, но и как *динамические* системы, как находящиеся не только в

¹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

равновесном, но и *неравновесном* состоянии. Они должны изучаться как системы, которые могут включать в свой состав не только однородные, но и *противоположные* элементы, обладающие не только сходными, но и противоположными свойствами, и, следовательно, вступающие в *противоречивые* отношения друг с другом, что характерно, прежде всего, для динамических, неравновесных систем. Противоречие является их существенной характеристикой и важнейшим принципом их познания (при этом надо иметь в виду, что в данном случае принцип противоречия не имеет ничего общего с формально-логическим законом, принципом противоречия, выражающемся в отрицании, запрещении, недопустимости противоречия в высказываниях, суждениях). Они должны изучаться как системы, имеющие относительно *гибкую структуру*, *неустойчивость*, нестабильность и, следовательно, возможность *развития*, ибо «без неустойчивости нет развития»¹, возможность *изменения* вообще. Их необходимо понять не только как постоянно функционирующие, но и как постоянно изменяющиеся, эволюционирующие, развивающиеся системы, необходимо описывать и объяснять генезис, происхождение и дальнейшее изменение или развитие тех или иных их структур. Причём это изменение, во-первых, «характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей, вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего»², во-вторых, может носить характер *коэволюционного*³ процесса, в котором изменения одних систем сопряжены с изменениями других систем. При этом необходимо учитывать, что при определённых условиях эти системы – политическая деятельность и политические отношения – могут утратить свои системные качества. Происходящие в этих системах *процессы*, в том числе их функционирование и изменение, могут носить либо обратимый характер, когда они обратимы, либо, наоборот, необратимый характер, когда они необратимы. Если *обратимые* процессы – это процессы, которые могут осуществляться в обратном направлении, последовательно повторяя в обратном порядке все промежуточные состояния системы, то *необратимые* процессы – это процессы, которые не могут осуществляться в обратном направлении.

Реальные процессы, протекающие в этих системах, строго говоря, всегда являются необратимыми процессами. Их обратимость или необратимость определяется состоянием систем, которое может быть равновесным или неравновесным и определяется, в свою очередь, характером её элементов и отношений между ними. Однородность системы может привести её в равновесное состояние и вызвать в ней обратимые процессы, тогда как её неоднородность, противоречивость, наоборот, может привести её в неравновесное состояние и вызвать в ней необратимые процессы. Политическая деятельность и политические от-

¹ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопр. философии*. 1992. № 2. С. 11.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 227–228.

³ Родин С. Н. Идея коэволюции. Новосибирск, 1991; *Философия природы: Коэволюционная структура*. М., 1995.

ношения должны рассматриваться как системы, в которых протекают не только и не столько обратимые процессы, сколько необратимые процессы. Они функционируют и изменяются, эволюционируют, развиваются преимущественно как необратимые системы, поскольку они являются элементами общества, а «общество почти лишено стационарных состояний» и «происходящие в обществе процессы развития, благодаря присущей им стохастике и непрерывной череде бифуркаций, приобретают необратимый, малопредсказуемый и всё более разнообразный характер»¹.

Функционирование и изменение, эволюция, развитие политической деятельности и политических отношений, протекающие в них процессы могут носить либо *линейный*, либо *нелинейный* характер. В первом случае это функционирование и изменение, эти процессы осуществляются безальтернативно, лишь в одном-единственном направлении, тогда как во втором случае – в нескольких альтернативных направлениях, имея возможность выбирать одно из них. Исходя из этого, и сами эти системы характеризуются либо как линейные, либо как нелинейные. Нелинейная система – это всегда открытая, динамичная, неустойчивая, изменчивая система. Политическая деятельность и политические отношения – это системы, которые могут рассматриваться не только и не столько как линейные, сколько как нелинейные системы. Для любой нелинейной системы благодаря её неустойчивости и необратимости характерны повышенная *непредсказуемость* или, наоборот, пониженная предсказуемость её функционирования, изменения, эволюции, развития и *хаотичность* её переходных состояний, которые, тем не менее, *могут* выступать в качестве созидającego, конструктивного начала, *порождать* в ней *порядок*, организованность, а также, следовательно, её устойчивость и предсказуемость. По мере упорядочения системы, установления в ней порядка, усложнения её организации происходит ускорение её изменения, эволюции, развития и, следовательно, понижение уровня её стабильности, устойчивости и предсказуемости, что вновь может возратить её в хаотическое и непредсказуемое состояние. Политология, исследуя политическую деятельность и политические отношения, должна учитывать это. Хаос и непредсказуемость, нередко царящие в них, механизмы вырастания, порождения, возрастания в них порядка, организованности и предсказуемости должны находиться в центре внимания политологии. Политологи должны видеть в них не только факторы стабилизации, устойчивости, организации, упорядочения и предсказуемости, но и факторы, вызывающие нестабильность, неустойчивость, хаос, беспорядок и непредсказуемость. Они должны как бы «схватить» эти противоположные, но взаимосвязанные свойства политической деятельности и политических отношений: стабильность и нестабильность, порядок и хаос, определённости и неопределённость, предсказуемость и непредсказуемость.

Нарастание неустойчивости, нестабильности, хаоса, непредсказуемости в системе возникает главным образом благодаря *увеличению* её колебаний, или

¹ Мусеев Н. Естественнаучное знание и гуманитарное мышление // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 71.

флуктуаций¹ – случайных отклонений от некоторого центрального, или среднего, направления её функционирования, изменения, эволюции, развития (рис. 5.3).

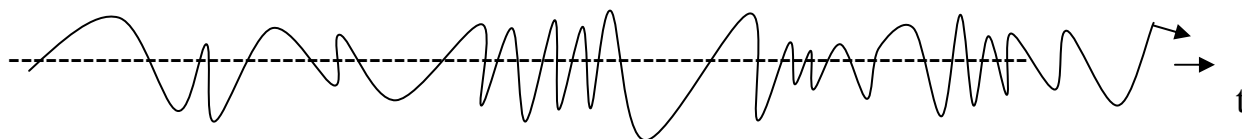

Рис. 5.3. Амплитуды колебаний (флуктуаций) политики

Оно, как правило, происходит внутри или вблизи её *бифуркации*² – в «момент» и «точке» разветвления одного центрального (среднего) и реально существующего направления её функционирования или изменения, эволюции, развития по нескольким возможным альтернативным направлениям (рис. 5.4).

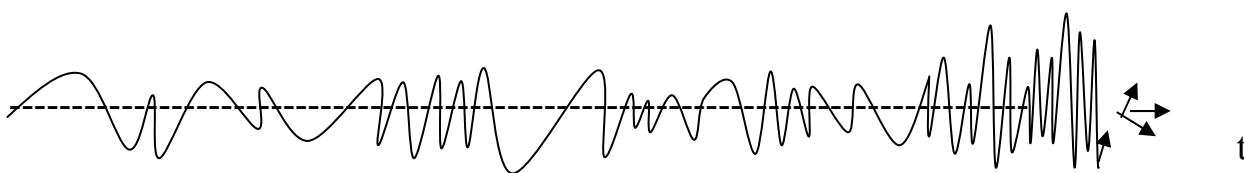

Рис. 5.4. Рост амплитуды колебаний (флуктуаций) политики
вблизи точки бифуркации

«Вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются значительные флуктуации. Такие системы как бы «колеблются» перед выбором одного из нескольких путей эволюции. ...Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит всё поведение макроскопической системы»³. Здесь зависимость настоящего и будущего системы от её прошлого практически исчезает, но зато обнаруживает, проявляет себя некоторая предопределённость, зависимость развёртывания её процессов, функционирования и изменения от её будущего состояния, которое как бы организует, формирует, изменяет наличное её состояние.

Политическая деятельность и политические отношения могут быть либо *самоорганизующимися*, либо *слабоорганизованными*, либо внешне *организованными*. В первом случае их функционирование и изменение, а также функционирование и изменение, упорядочение и координация или субординация их элементов происходит под влиянием не только и не столько внешних, сколько внутренних факторов, автоматически, «само собой». Во втором случае их элементы слабо упорядочены, скоординированы, иерархичны. В третьем случае их функционирование и изменение, а также функционирование и изменение, упорядочение и координация или субординация их элементов происходит под влиянием не только и не столько внутренних, сколько внешних факторов. Слабо организованные политические деятельности и политические отношения могут трансформироваться сначала во внешне организованные, а затем и в само-

¹ От лат. *fluctuatio* – «колебание».

² От лат. *bifurcus* – «раздвоенный».

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса... С. 140.

организующиеся системы. И наоборот, самоорганизующаяся или внешне организованные политические деятельности и политические отношения могут трансформироваться в неорганизованные системы. Для самоорганизующихся форм политической деятельности и политических отношений характерны такие черты, как: открытость – для других систем; гибкость структуры; нелинейность – множество путей их эволюции и возможность выбора из данных альтернатив; их непредсказуемость; хаотичность их переходных состояний. Кроме того, они характеризуются способностью активно взаимодействовать со своей средой, изменять её в направлении, обеспечивающем наиболее успешное их функционирование, а также способностью учитывать собственный прошлый опыт и когерентностью – сцеплением, связью, согласованностью во времени протекающих в них процессов.

Все системы, в том числе политическая деятельность и политические отношения, в той или иной мере *детерминированы*. Следует согласиться с мнением А. Пуанкаре, для которого наука явно детерминистична, так как она такова по определению. Недетерминистической же науки не может существовать, а мир, в котором не царит детерминизм, был бы закрыт для учёных¹. Детерминизм систем не сводится к какой-то одной его форме, например, механистической. Он может проявляться, выражаться, в частности, в форме вероятности и включать в себя случайность. Поэтому утверждение И. Пригожина о том, что современная наука перестала быть детерминистической, что нестабильность в некотором отношении заменяет детерминизм², является чрезмерно сильными и категорическими, ибо в неустойчивых, нестабильных системах «появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода за желаемое будущее»³.

Политическая деятельность и политические отношения должны рассматриваться не с позиций механистического детерминизма, а как *вероятностно детерминированные системы*, детерминизм которых проявляется, выражается в форме вероятности и включает в себя *случайность*. При этом определяющее, доминирующее значение здесь должны иметь *вероятностно-статистические закономерности*, закономерности *стохастического* характера, учитывающие случайность, которые с особой силой проявляются в неустойчивых состояниях и сферах политической деятельности и политических отношений вблизи моментов и точек бифуркации, где возникает возможность выбора вариантов будущего. Политическая деятельность и политические отношения детерминированы не только *прошлым* или *настоящим*, но и *будущим*. И в этом ещё одно отличие данной формы детерминизма от его механистической (или классической) формы, которое связано в первую очередь со спецификой власти и политических отношений. Политическая деятельность и политические отношения детерминированы в первую очередь мотивами и целями, а затем их объектом

¹ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 489.

² Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М., 1990; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос...; Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. 1991. № 6.

³ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение... С. 20.

(предметом), средствами и результатами, а также той жизненной ситуацией, в которой они возникают и существуют. Они никогда не являются как всецело свободными, независимыми от внешних обстоятельств и своих собственных элементов, так и полностью зависимыми от них, полностью предопределёнными, детерминированными ими.

С точки зрения системно-синерго-деятельностной парадигмы во главе, в начале, центре и конце исследования политической деятельности и политических отношений должен стоять осуществляющий их человек. Вспомним Протагора с его принципом: «Мера всех вещей – человек»! Этот человек может выступать в них либо как единичная, отдельная личность, либо как коллектив, группа, множество, совокупность личностей. Политология должна ориентироваться на человека как *субъекта* и *контрсубъекта* политической деятельности и политических отношений, который всегда включён в них в качестве такового и потому должен стать начальным, центральным и конечным пунктом любого политологического исследования. При этом особое внимание должно уделяться не только коллективному, общему, но и личностному, особенному, единичному, уникальному и индивидуальному, однако на основе познания общего, или закономерного, которое может быть «обществоведческим, отвечающим общесоциологическому критерию повторяемости..., и экзистенциональным, данным в научно-психологическом анализе личностных характеристик в строгом соответствии с реалиями эпохи»¹.

Наука, претендующая на изучение реальной политической деятельности и реальных политических отношений, в которых центральное место занимает человек, должна ориентироваться на этого человека, на их «человеческое измерение», на постижение в них духовного начала, которое не поддаётся количественному измерению. Представители западной общественно-политической мысли, пишет К. С. Гаджиев, нередко сетуют на дегуманизацию политической науки, на исчезновение человека, его интересов и потребностей из фокуса её внимания. Необходимо, указывают они, восстановить роль и значение человеческой личности как главного субъекта исследуемого наукой общественно-исторического процесса, вернуть в центр исследований человека и его основополагающие интересы, потребности, устремления².

Сегодня даже представители «наук о природе» начинают смотреть на мир с позиций, которые ранее были свойственны в первую очередь представителям «наук о культуре», когда взгляд учёного останавливается не только на том, что тиражируется, повторяется, но и на том, что является уникальным, неповторимым. Такой способ видения политической деятельности и политических отношений политология должна обязательно сохранить. Для политологии важно, как справедливо замечает А. С. Панарин, также попридержать характерный для неё «прометеев пафос – нетерпеливое стремление технологически обработать, обуздать «слепую органику» социума»³. Она должна давать «не проекты буду-

¹ Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. С. 82.

² Гаджиев К. С. Опыт введения в политологию. Концептуальный и методологический аспекты // Политические исследования. 1992. № 1–2. С. 111.

³ Панарин А. С. Политология. М., 1997. С. 248.

щего, соответствующие высшей логике самой истории», не только «инструментальное, рецептурное знание – основу тех или иных «технологий»...», но и не упускать из виду ценностный контекст¹.

Политологическое исследование политической деятельности и политических отношений должно происходить на основе реализации так называемого «антропного принципа», всё более укрепляющегося в современной науке, включая естествознание, устанавливать связь любого человека со всей окружающей действительностью, если угодно, со всей Вселенной. Независимого от власти и политических отношений человека нет и быть не может. Его невозможно вычленить из политической деятельности и политических отношений и изолировать от них. Человек находится не вне политической деятельности и политических отношений, а внутри них.

Политология должна выявлять, описывать, объяснять и понимать соотношение между существующими в политической деятельности и политических отношений стохастическими, или случайными, *микропроцессами* и *макропроцессами*. Оно, как правило, значительно интенсифицируется в периоды их неустойчивости, нестабильности, флуктуаций, бифуркаций. В этих случаях появляется возможность решающего влияния малых процессов, действий, высказываний, а иногда и психических актов, каждого отдельного человека на большие процессы. Применительно к социальным системам в целом на это указывают Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов: «усилия, действия отдельного человека не бесплодны, они отнюдь не всегда полностью растворены, нивелированы в общем движении социума. В особых состояниях неустойчивости социальной среды действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы»².

Системно-синерго-деятельностная парадигма политологического исследования политической деятельности и политических отношений требует также, чтобы его результатом были не только знания, но *ценности*, то, что определяется как имеющее определённое значение для удовлетворения человеческих потребностей, и *оценки* – суждения, определяющие чего-либо или кого-либо в качестве положительной или отрицательной ценности. В качестве его результатов должны выступать не только знания, описывающие и объясняющие те или иные проявления политической деятельности и политических отношений, их элементы и свойства, но должно выступать и их *понимание*, означающее, как замечает М. М. Бахтин, превращение чужого в «своё-чужое»³.

Политология должна не только *описывать* и *объяснять* политическую деятельность и политические отношения, их элементы и свойства, подводить их под закон, общее, но и обеспечить их *понимание* на основе этого описания и объяснения. Она должна быть не только описывающей и объясняющей, но и *понимающей*. Понять те или иные проявления политической деятельности и политических отношений – значит не только беспристрастно выразить их в по-

¹ Там же. С. 257.

² Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение... С.5.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С.371.

нятии, но обнаружить и выразить в нём их значение, ценность, смысл для людей, общества, определить их роль и дать им оценку, значит открыть лежащие в их основе человеческие мотивы и цели.

Однако подчеркнём ещё раз, это должно осуществляться не до или во время описания и объяснения, а после и на основе их. Г. Х. фон Вригт отмечает, что в обычном словоупотреблении не проводится чёткого различия между словами «понять» и «объяснить». Практически любое объяснение, будь то казуальное, телеологическое или какое-то другое, способствует пониманию предметов. Однако в слове «понимание» содержится психологический оттенок, которого нет в слове «объяснение»¹.

Независимого от политической деятельности и политических отношений и беспристрастного политолога, способного только пассивно наблюдать и не вмешиваться в «естественный ход политических событий», не бывает. Его, как и любого другого человека, невозможно вычленивать из политической деятельности и политических отношений и изолировать от них. Он не только наблюдает за ними, но и проводит научные, как правило, мысленные, а иногда и реальные, эксперименты с ними, активно вмешивается в изучаемую ситуацию и управляет ею. Он всегда есть лишь часть, познающая целое. Поэтому прав В. И. Вернадский, когда пишет, что в научно выраженной истине всегда есть отражение духовной личности человека².

Необходимость изменений в парадигме политологических исследований осознают многие отечественные и зарубежные политологи. Так, К. С. Гаджиев, излагая взгляды Д. Истона на постбихевиористский подход в политологии, формулирует следующие его положения. Во-первых, сущности принадлежит приоритет перед техникой. Важнее понять смысл актуальных социальных проблем, чем в совершенстве владеть техникой исследования. Во-вторых, делать упор на описание фактов – это значит, что вы ограничиваете своё понимание этих фактов. Поэтому задача постбихевиоризма заключается в том, чтобы помочь политической науке стать на службу действительным потребностям человечества в период кризиса. В-третьих, изучение и конструктивная разработка ценностей являются неотъемлемой частью изучения политики. В-четвёртых, политологи несут ответственность перед обществом, и их роль, равно как и всей интеллигенции, состоит в защите человеческих ценностей. В-пятых, знать – значит действовать, а действовать – значит участвовать в перестройке общества³.

Политологическое исследование политической деятельности и политических отношений – это не монолог учёного-одиночки, а его *диалог с самим собой* и мировым *сообществом учёных*, в пределе – с человечеством в целом. Это есть не только и не столько обязательно внешний, слышимый, видимый посторонним наблюдателем диалог, сколько, прежде всего, *внутренний* диалог, часто не слышимый, не видимый для постороннего наблюдателя. Осуществляя такой

¹ Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 45.

² Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1977. Т. 1. Научное знание: Научное творчество. Научная мысль. С. 150.

³ Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М., 1998. С. 507–508.

диалог, политолог может руководствоваться, например, такими, предложенными В. В. Ильиным, принципами. Во-первых, принципом *терпимости* – этической толерантности к продуктам научного творчества, легализации здорового плюрализма научных мнений, восприимчивости к аргументам и инакомыслию. Во-вторых, принципом *условности* – понимания относительности собственных результатов. В-третьих, принципом *гуманизма*, когда общество – средство, человек – цель¹.

Политология, как нам представляется, должна изучать политической деятельности и политические отношения, *используя и обогащая* не только свои собственные предшествующие достижения, но также предшествующие, существующие *достижения* (в том числе, знания, правила, средства, методы) *других* социальных и естественных наук, всей культуры человечества. Эти достижения, как правило, носят преимущественно *текстовый характер*. «Текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины»². Текст, используемый в политологическом исследовании политической деятельности и политических отношений в качестве его исходного материала, всегда имеет знаковую природу, является знаковой системой. Он несёт в себе ту или иную информацию о тех или иных проявлениях власти и политических отношений, их элементах и свойствах, в той или иной мере замещает, представляет их. Наличие у него автора или нескольких авторов, предполагает, что содержащаяся в них *информация* есть результат их деятельности, в том числе интерпретирующей деятельности, есть информация, которая *опосредствует* реальную политическую деятельность и реальные политические отношения и изучающего их политолога. Она всегда есть не только авторское описание, но представляет собой отпечаток, содержит в себе след авторских знаний, оценок, интерпретаций, объяснений, авторского понимания описываемых, интерпретируемых, объясняемых авторами проявлений власти и политических отношений. Это значительно усложняет политологу процесс познания и требует от него осуществления специальных познавательных процедур, направленных на критику текста, как говорят историки, «критику источника», на «очищение» заложенной в нём объективной информации от субъективных авторских наслоений и искажений.

В политологическом исследовании политической деятельности и политических отношений нельзя ограничиваться только формальной или содержательной логикой, теорией познания – эпистемологией. Здесь необходимы ещё продуктивное воображение, интуиция, вдохновение политолога-исследователя, красота теоретических построений, другие психолого-эвристические и культурно-эвристические внерациональные средства. «Признание фундаментальной роли интуитивного суждения наравне с логикой представляет собой коренное изменение методологии математики и физики (а значит и вообще естественных наук)»³, а также, добавим, социальных наук, в частности, политологии. Поли-

¹ Ильин В. В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994. С. 122–125.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 292.

³ Фейнберг Е. Л. Эволюция методологии в XX веке // Вопр. философии. 1995. № 7. С.

толог должен изучать политическую деятельность и политические отношения на основе *сочетания* различных *логик*, например, формальной, содержательной и ситуационной логики, и *подходов* – научного, рационального и внерационального, эмпирического и теоретического подходов.

В конце XX века продолжало усиливаться, как считают многие авторы, сближение естественных и социальных наук, науки и искусства как элементов единой и столь многообразной культуры человечества. Идеи и принципы, полученные в каждой из этих её сфер, обогащают друг друга, как обогащают друг друга и такие различные, даже во многом противоположные, культурные, в том числе научные, традиции, как западная и восточная. «Мы считаем, что находимся на пути к синтезу», в котором «удастся слить воедино западную традицию, придающую первостепенное значение экспериментированию и количественным формулировкам, и такую традицию, как китайская традиция: с её представлениями о спонтанно изменяющемся самоорганизующемся мире»¹.

Вопреки распространённому и устоявшемуся мнению, системно-синерго-деятельностная парадигма допускает использование в политологическом исследовании политической деятельности и политических отношений некоторых результатов естественных наук, а также разработанных в них понятий: таких, как «энергия», «сила», «работа», «информация», а также упоминавшееся выше понятие динамики. Такое проникновение понятий естественных наук, или наук о природе, в гуманитарные науки, или науки о культуре, уже началось. В частности, историк и этнограф Л. Н. Гумилёв в ряде своих работ предпринимает попытку создания целостной теории этногенеза, используя понятия «энергия», «сила», «работа», «поле», «вещество». Правда при этом он, как правило, подчёркивает, что рассматривает этногенез как процесс, в котором «сочетаются», соединяются «история природы и история людей», «соприсутствуют социальные и биологические компоненты, проявляющиеся в самой этнической истории»². Представляется возможным использовать их и при исследовании политической деятельности и политических отношений. Политология может и должна при исследовании политической деятельности и политических отношений использовать также методы, применяемые в естественных науках, так как «между методами теоретических наук о природе и об обществе нет совсем никаких различий», «методы естественных и социальных наук по существу тождественны»³.

Уже пифагорейцы и Платон применяют количественные методы в изучении политики. В «Государстве» Платона понятие числа, равно как и само число, играет исключительно важную роль. Известный исследователь Платона А. Ф. Лосев отмечает, что «число пронизывает у Платона решительно всё бытие с начала до конца, сверху донизу», выступает как «регулятор государственной и общественной жизни», «является здесь моделью всей жизни», что, по Платону, «вся социально-политическая жизнь есть сплошная стереометрия»⁴. В новое

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса... С. 65.

² Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1997. С.91, 385.

³ Поппер К. Нищета историцизма // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 42.

⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ. Платон. С. 312, 316, 319.

время Т. Гоббс также пытается внедрить в политическую науку элементы математического метода, в частности действия сложения и вычитания однопорядковых величин. Он считает, что можно вычислить отношения государств, если суммировать договоры между ними. Активно применялся им и давно известный науке метод аналогии. Однако, при этом ему, конечно, не удалось избежать механицизма, когда он механистически уподобляет строение государства строению живого человеческого организма. Под воздействием достижений триумфально шествующей по Европе классической механики он пытается рассматривать государство в качестве сконструированного людьми «искусственного человека», *машины*, механизма-автомата. Во второй половине XIX в. Г. Спенсер первым из социологов использует аналогии и термины биологии в исследовании общества и государства. В частности, он уподобляет общество биологическому организму. У него не существует никаких других аналогий между политическим телом и живым телом, кроме тех, которые являются необходимым следствием взаимной зависимости между частями, обнаруживаемой одинаково в том и другом¹.

Дж. Локк, как уже отмечалось выше, в качестве методологического ориентира использует идеи классической механики, рассматривая, в частности, государство, «гражданское общество» или «сообщество» людей как «единный организм», действующий «по воле и решению *большинства*». Он, в частности, пишет: «Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц (сил. – *И. Г.*), а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечёт большая сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом*, как на то согласились все объединённые в него отдельные лица; и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству*. И вот почему... *действие большинства* считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает»². Ш. Монтескье в основу своей теории разделения властей ставит идею *равновесия*. Он уподобляет соотношение властей физическому равновесию различных взаимодействующих сил³.

В XX в. идею равновесия использует французский правовед и политолог М. Ориу⁴. Он пишет о «равновесии власти», «правовом равновесии», «политическом равновесии». У него государство, властные и правовые отношения в нём уравнивают враждебные и противоположные интересы людей, социальных групп и классов, вечную противоположность между личностью и обществом, приводит их в состояние равновесия. Для английского политолога М. Вайля, например, проблема контроля в современной «массовой демократии» –

¹ Спенсер Г. Указ. соч.

² Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 317–318.

³ Монтескье Ш. Избр. произв.

⁴ Ориу М. Основы публичного права. М., 1929.

это не только проблема равновесия внутри государственного механизма, но и равновесия между государством и народом¹.

Таковы те общие методологические ориентиры, которые, как нам представляется, составляют основное содержание формирующейся системно-синерго-деятельностной парадигмы политологии и которыми мы намерены руководствоваться при исследовании политики, политической деятельности и политических отношений.

¹ *Vile M.* Constitutionalism and Separation of Powers. Oxford, 1967. P. 238.

Список использованной литературы

- Агошкова Е. Б.* Категория «система» в современном мышлении // *Вопр. философии.* 2009. № 4.
- Аристотель.* Соч.: В 4 т. М., 1976–1984.
- Арнольд В. И.* Теория катастроф. М., 1990.
- Аришинов В. И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 2001.
- Астафьева О. Н.* Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М., 2002.
- Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. (Опыт системного исследования). М., 1968.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Берталанфи Л.* Общая теория систем – критический обзор // *Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* М., 1969.
- Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969.
- Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системный подход в современной науке // *Проблемы методологии системного исследования / Ред. кол. И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* М., 1970.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
- Богданов А. А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. М., 1989.
- Богданов А.* Всеобщая организационная наука. СПб, 1912. Ч. I.
- Боголепов В., Малиновский А.* Организация // *Философская энциклопедия:* М., 1967. Т. 4.
- Бородай Ю. М.* Воображение и теория познания: Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения. М., 1966.
- Бранский В. П.* Теоретические основания социальной синергетики // *Вопр. философии.* 2000. № 4.
- Буданов В. Г.* О методологии синергетики // *Вопр. философии.* 2006. № 5.
- Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999.
- Вернадский В. И.* О науке. Дубна, 1977. Т. 1.
- Вригт Г. Х. фон.* Логико-философские исследования. М., 1986.
- Гаджиев К. С.* Введение в политическую науку. М., 1998.
- Гаджиев К. С.* Опыт введения в политологию. Концептуальный и методологический аспекты // *Политические исследования.* 1992. № 1–2.
- Гегель Г.* Наука логики: В 3 т. М., 1971. Т. 2.
- Гегель Г.* Соч. М., 1929. Т. 1.
- Гегель Г.* Философия религии: В 2 т. М., 1977. Т. 2.
- Гомеров И. Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002.

Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002.

Гомеров И. Н. Политика: предпосылки, элементы, специфика. Новосибирск, 2006.

Гомеров И. Н. Политическая деятельность: психолого-политологический анализ. Новосибирск, 2010.

Гомеров И. Н. Политическая культура как моделирующая система. Новосибирск, 1995.

Гомеров И. Н. Политология как наука и учебная дисциплина. Новосибирск, 1999.

Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000.

Гомеров И. Н. Электоральная культура и технология выборов. Новосибирск, 1998.

Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1997.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1990. Т. III.

Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика // Нелинейные волны: самоорганизация. М., 1983.

Джерджен К. Дж. Социальный конструктивизм: знание и практика. Минск, 2003.

Добронравова И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев, 1990.

Дойч К. Основные изменения в политологии (1952–1977) // Политические отношения: прогнозирование и планирование. М., 1979.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Пер. с фр. М., 1996.

Зеленевский Я. Организация трудовых коллективов: Введение в теорию организации и управления: Пер. с польск. М., 1971.

Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.

Ильин В. В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994.

Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1969.

История теоретической социологии: В 4 т. М., 2002. Т. 1 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. М., 2002.

Каган М. С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М., 1974.

Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3.

Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб., 2000.

Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964.

Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач: Пер. с англ. М., 1990.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 2.

Кондильяк Э. Соч.: В 3 т. М., 1982. Т. 2.

Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991.

- Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола»)* // *Вопр. философии*. 2008. № 3.
- Куайн У.* Две догмы эмпиризма // *Слово и объект*. СПб., 2000.
- Кузьмин В. П.* Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания // *Системные исследования. Методологические проблемы*. Ежегодник. 1984.
- Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ. М., 1977.
- Ланге О.* Целое и развитие в свете кибернетики // *Исследования по общей теории систем* Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1969.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972.
- Локк Дж.* Соч. М., 1985. Т. 2; М., 1988. Т.3.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты, Сократ. Платон. М., 1969.
- Лосский Н. О.* Избранное. М., 1991.
- Маркарян Э. С.* Человеческое общество как особый тип организации // *Вопр. философии*. 1971. № 10.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955–1981.
- Материалистическая диалектика как научная система* / Под ред. проф. А. П. Шептулина. М., 1983.
- Материалисты Древней Греции:* Сб. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.
- Матурана У. Р., Варела Ф. Х.* Дерево познания. Биологические корни человеческого познания. М., 2001.
- Могилевский В. Д.* Методология систем: вербальный подход. М., 1999.
- Моисеев Н.* Естественнонаучное знание и гуманитарное мышление // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2.
- Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955.
- Морозов Е. Н.* Методология и методы анализа социальных систем. М., 1995.
- Николас Г., Пригожин И.* Познание сложного. Введение: Пер. с англ. М., 1990.
- Никольская А В.* Теория отражения VS конструктивизм // *Вопр. психологии*. 2010. № 1.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2005.
- Ориу М.* Основы публичного права. М., 1929.
- Панарин А. С.* Политология. М., 1997.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // *Психол. журн*. 2002. Т. 23. № 3.
- Поппер К.* Нищета историцизма // *Вопр. философии*. 1992. № 10.
- Пригожин И.* Введение в термодинамику необратимых процессов: Пер. с англ. 2-е изд. Ижевск, 2001.
- Пригожин И.* Философия неустойчивости // *Вопр. философии*. 1991. № 6.

Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. 5-е изд. М., 2003.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос: Новый диалог человека с природой. М., 1986.

Пуанкаре А. О науке. М., 1983.

Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию. М., 1998. 3-е изд.

Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1969.

Режабек Е. Я. Радикальный конструктивизм: критический взгляд // Вопр. философии. 2006. № 8.

Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003.

Родин С. Н. Идея коэволюции. Новосибирск, 1991.

Романов В. Л. Синергетика социальной самоорганизации, управление изменениями. М., 2003.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Вопр. философии. 1969. № 8.

Сагатовский В. Н. Системная деятельность и её философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М., 1981.

Садовский В. Н. Логико-методологический анализ «общей теории систем» Л. фон Берталанфи // Проблемы методологии системного исследования / Ред. коллегия И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М., 1970.

Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1.

Садовский В. Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974.

Садовский В. Н. Проблемы философского обоснования системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1984. М., 1984.

Садовский В., Юдин Э. Система // Философская энциклопедия. Т. 5.

Сетров М. И. Принцип системности и его основные понятия // Проблемы методологии системного исследования.

Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2006. № 9.

Системные исследования: Ежегодник. М., 1974.

Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898. Т. 1–2.

Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопр. психологии. 2009. № 2.

Урсул А. Д. Природа информации: Филос. очерк. М., 1968.¹

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Фейнберг Е. Л. Эволюция методологии в XX веке // Вопр. философии. 1995. № 7.

- Философия природы: Козволюционная структура.* М., 1995.
- Философские проблемы деятельности (Материалы «Круглого стола»)* // *Вопр. философии.* 1985. № 2, 3, 5.
- Хакен Г.* Синергетика как мост между естественными и социальными науками // *Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности.* М., 2003.
- Холл А. Д., Фейджин Р. Е.* Определение понятия системы // *Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* М., 1969.
- Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München, 2000.
- Чернавский Д. С.* Синергетика и информация (динамическая теория информации). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Шеллинг Ф. В. И.* Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1.
- Эрман Ж.* Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики // *Индивиды в международной политике: Пер. с фр.* М., 1996.
- Эшби У. Р.* Принципы самоорганизации // *Принципы самоорганизации: Сб.* М., 1966.
- Юдин Б. Г.* Организация // *Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов.* М., 1983.
- Юдин Э. Г.* Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // *Вопр. философии.* 1976. № 5.
- Холл А. Д., Фейджин Р. Е.* Определение понятия системы // *Исследования по общей теории систем: Сб. пер. / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* М., 1969.
- Ashby W. R.* Principles of the Self-organizing Dynamic System // *Journal General Psychology.* 1947. N 37.
- Bertalanffy L.* General System Theory // *General Systems.* 1956. Vol. I.
- Bertalanffy L.* General system theory. Foundations, development, applications. N. Y., 1969.
- Churchman C. W.* The systems approach. N. Y., 1968.
- General systems theory.* V. 1–22. N. Y., 1956–1977.
- Giddens A.* Central problems in social theory. Berkeley & Los Angeles, 1979.
- Luhmann N.* Soziale systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a M., 1984.
- Schmidt S.* Der radical Konstruktivismus: Ein neues Paradigma in interdisziplinären Diskurs (1978) // *Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus / Hrgs. von S. Schmidt.* 7 Aufl. F/M: Suhrkamp, 1996/
- Trends in general systems theory.* N. Y., 1972.
- Vile M.* Constitutionalism and Separation of Powers. Oxford, 1967.

Гомеров Игорь Николаевич

ПАРАДИГМА ПОЛИТОЛОГИИ

Лекция

Игорь Николаевич Гомеров – профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2), доктор политических наук (МГУ, 1996), профессор (1997), действительный член Академии политической науки и Академии гуманитарных наук, вице-президент Сибирской академии политических наук. Основные научные интересы связаны с исследованием политических технологий, государственной власти, политической культуры, политической субъектности, политической деятельности и политических отношений. Общий объём опубликованных научных и учебно-методических работ – более 453 п. л. Автор нескольких десятков научных статей, более 30 монографий, книг, брошюр и учебных пособий, в том числе монографий (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/ek.htm>):

Гомеров И. Н. Архитектура выборов: маркетинговый подход. Новосибирск, 1993. 315 с.

Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. 832 с.

Гомеров И. Н. Демократизация политической системы России: актуальность, проблемы, перспективы. Новосибирск, 2012. 138 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov2.pdf>).

Гомеров И. Н. Партийно-личностные ориентации избирателей. Новосибирск, 1994. 118 с.

Гомеров И. Н. Политика: предпосылки, элементы, специфика. Новосибирск, 2006. 245 с.

Гомеров И. Н. Политическая деятельность: психолого-политологический анализ. Новосибирск, 2010. 550 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov.pdf>).

Гомеров И. Н. Политическая культура как моделирующая система. Новосибирск, 1995. 122 с.

Гомеров И. Н. Политическая система общества: компоненты, структура, функции. Новосибирск, 1992. 153 с.

Гомеров И. Н. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск, 2011. 885 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov1.pdf>).

Гомеров И. Н. Политология как наука и учебная дисциплина. Новосибирск, 1999. 223 с.

Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000. 236 с.

Гомеров И. Н. Электоральная культура и технология выборов. Новосибирск, 1998. 252 с.